

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 239

**М.Н. ГУБОГЛО,
Р.А. СТАРЧЕНКО**

**ЯЗЫКОВАЯ ЖИЗНЬ И
РЕГИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ
КРЫМЧАН – ОПЛОТ
АНТИУКРАИНИЗАЦИИ
(ИЗ ОПЫТА ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В КРЫМУ 2013 г.)**

Москва

2014

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И
НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 239

М.Н. Губогло, Р.А. Старченко

ЯЗЫКОВАЯ ЖИЗНЬ И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ КРЫМЧАН –
ОПЛОТ АНТИУКРАИНИЗАЦИИ

(ИЗ ОПЫТА ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В КРЫМУ 2013 г.)

Работа подготовлена и издается при финансовой поддержке РГНФ: проект «Двуязычие как социальная реальность. Теория и практика языковой жизни Российской нации». № 14-01-00372а; проект «Смыслы региональной идентичности: реальность, манифестация, маргинальность. (Идентификационный опыт Крыма и Приднестровья)» № 14-01- 18081е.

Москва
ИЭА РАН
2014

ББК 63 3(2)64-36+(Кры)
УДК 323.1+(477.75)+(=161.1)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Г-93 Губогло М.Н., Старченко Р.А.

Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2014. – Вып. 239. – 72 с.

ISBN 978-5-4211-0117-8

Выпуск посвящен исследованию современной языковой ситуации в Крыму и региональной идентичности населения полуострова как факторов, противодействовавших процессам украинизации до воссоединения Крыма с Россией. В данной работе использованы материалы социологического исследования, проведенного в 2013 г. в Крыму.

© ИЭА РАН – 2014 г.
© М.Н. Губогло – 2014 г.
© Р.А. Старченко – 2014 г.

М.Н. Губогло, Р.А. Старченко

**Языковая жизнь и
региональная идентичность крымчан –
оплот антиукраинизации
(из опыта этносоциологических исследований в Крыму
2013 г.)**

Resume

LINGUISTIC SITUATION AND REGIONAL IDENTITY CRIMEANS – STRONGHOLD OF ANTIUKRAINIZATION (FROM EXPERIENCE OF ETHNOSOCIOLOGICAL RESEARCH IN CRIMEA 2013)

The report devoted to the study of contemporary linguistic situation in Crimea and regional identity of the population of the peninsula, as factors to counteract the processes of Ukrainianization before reunification Crimea with Russia. In this report we used materials of sociological studies, conducted in the Crimea in 2013.

Оглавление

Парадокс крымского референдума 16 марта 2014 г.	4
Факторы языковой жизни крымчан.....	4
Гражданская инфантильность и политическая апатия.....	6
Региональная идентичность – катализатор Крымского референдума	7
Регионы Украины и региональная идентичность – источники риска для федерализации.....	12
Политические ориентации крымчан	15
Портреты двуязычного и одноязычного русского населения Крыма	16
Поворот от украинизации к неоукраинизации	22
Доктринальная основа украинизации 1920–1930 гг.	23
Смягчение курса украинизации накануне Великой Отечественной войны	27
Тактика и стратегии неоукраинизации в сфере школьного образования	28
Идеология неоукраинизма в СМИ и художественной литературе.....	32
Этносоциология языковой жизни.....	34
Роль образования в украинизации.....	41
Обреченность неоукраинизации в Крыму	43
Русский язык в повседневной жизни крымчан	45
Межэтнический раскол Украины	51
Вместо заключения.....	58
Литература.....	66

«Крым мы уже потеряли и я считаю, что вернуть его уже нереально, ведь Россия пошла ва-банк. Для нее назад дороги нет. Она Крым уже никогда не отдаст».

Экс-президент Украины Леонид Кучма¹

«С точки зрения экономики и геополитики, мы все — полуостровные... Россия была и остается для нас материком»

Леонид Грач. 21 марта 2006 г.²

Парадокс Крымского референдума 16 марта 2014 г.

Беспрецедентные результаты референдума в Крыму 16 марта 2014 г. стали врасплох не только политиков и общественных деятелей, но и многих аналитиков, не ожидавших единодушного решения крымчан (здесь и сейчас) покинуть Украину и вернуться в состав России. При этом за возвращение на «этнический материк» дружно проголосовали не только русские Крыма, но и многие представители других национальностей, для которых русский язык или язык своей национальности в сочетании с русским составлял основу их языковой жизни в большинстве сфер жизнедеятельности.

Смысл этой интриги, получившей поистине геополитическое измерение, в известной мере позволяют прояснить этносоциологические исследования, проведенные Институтом этнологии и антропологии РАН в Крыму в 2012–2013 гг. Одна из задач исследовательского проекта, выполненного при поддержке РГНФ, состояла в выявлении взаимосвязи между речевым поведением, двуязычием и региональной идентичностью крымчан, как основы базовых ценностей, в т.ч. социокультурных и политических ориентаций.

Фактор языковой жизни крымчан

Уникальность крымскому референдуму придает панорама языковой жизни крымчан. Несмотря на постсоветский курс украинизации, жители Крыма сохранили в качестве национального достояния знание и употребление русского языка наряду с обретением второго, а в некоторых случаях и третьего языка. Мало кто из исследователей языковой и этнополитической жизни крымчан задумывался над тем, на каком основании именно в Крыму, несмотря на различные формы и типологию двуязычия, сохранилась русскоязычная среда лучше, чем во всех остальных регионах Украины, в т.ч. юго-восточных и южных областях.

За период между 1989 и 2001 гг. доля русского населения на Украине сократилась с 22,1% до 17,3%. Однако доля населения, считавшая русский язык своим родным, составила 29,7%. Иными словами, на рубеже веков в языковой среде Украины русский язык по инерции сохранял значительные позиции. Для сравнения можно привести данные, что украинский язык называли родным 67%, хотя украинцы составляют 77,8% всего населения страны.

Между тем о масштабах реального двуязычия, если судить о них по самооценке крымчан, свидетельствуют данные этносоциологического опроса, проведенного в Симферополе и в прилегающих к нему поселениях в 2012–2013 гг. К числу позитивных показателей языковой жизни симферопольцев, в частности, можно отнести тот факт, что 64% русского населения сохранили русский язык и одновременно владели украинским языком, в т.ч. около 15% «свободно говорили, читали и писали» на нем и еще около 46% могли разговаривать и читать, хотя думали при этом на русском или каком-либо ином языке.

Подобно русскому населению Крыма украинцы и крымские татары также владели русским языком. Однако измерение двуязычия у них велось по знанию, т.е. по сохранению языка своей национальности. Украинским языком владели немногим более 87% украинцев, в т.ч. более половины представителей этой национальности (54,2%) знали украинский язык едва ли не в совершенстве т.к. «думали на этом языке, свободно говорили, читали и писали». Крымско-татарское население, подобно украинцам и русским, владело русским языком. Кроме того, около 95% из них владело языком своей национальности, в т.ч. 72% совершенно свободно, и еще 23% могли говорить и читать, хотя в совершенстве владели каким-либо иным языком.

Этносоциологические замеры показателей языковой жизни и речевого поведения крымчан на рубеже первого и второго десятилетий текущего века, проведенные Институтом этнологии и антропологии РАН, выявили их типологическое сходство по исторической фазе с широкомасштабными итогами становления русского языка национальным достоянием народов России³.

Это принципиальное сходство было достигнуто в России всем ходом исторического развития народов России и их приобщением к русскому языку. В Крыму оно установилось благодаря сопротивлению крымчан вынужденной украинизации при одновременном расширении русско-украинского, украинско-русского, крымско-татарско-русского двуязычия.

Этнокультурная близость критериев, тенденций, качества языковой жизни крымчан и россиян наряду с другими социокультурными ценностями и представлениями об общности исторической судьбы и этногенетической род-

ственности стало немаловажным катализатором вливания крымчан в состав российской нации. Обсуждению этой гипотезы и посвящена предлагаемая работа.

Сохранение русскоязычной среды в некоторых регионах Украины серьезно беспокоит ее научную и политическую элиту, озабоченную нациестроительством на рубеже столетий и на заре нового тысячелетия. В известной мере об этом можно судить по тому факту, что в структуре Института истории Украины АНУ создан отдел региональной истории, сотрудники которого вместе с отечественными и зарубежными коллегами издают ежегодник «Регіональна історія України»⁴.

Гражданская инфантильность и политическая апатия

Накануне референдума в течение ряда лет в литературе неоднократно отмечалась относительно низкая гражданская активность крымчан. В сочетании с политической апатией она, в частности, служила одной из причин того, что на политическую арену Крыма русское население не выдвинуло ни одного общекрымского авторитетного лидера русского национального движения. Осенью 1994 г. в Крыму насчитывалось 18 малосвязанных между собой региональных организаций, отстаивающих интересы русского населения Крыма, что служило, по мнению экспертов, наглядным выражением их гражданской инфантильности и политической слабости. Отсутствие глубоко проработанных доктринальных, уставных и программных документов свидетельствовало скорее об амбициозных устремлениях их руководителей, избранных на роль лидеров без каких-либо правовых норм и правил, чем о масштабах и глубине русского национального движения.

Значительные усилия, предпринятые директором Института стран СНГ К.Затулиным и мэром г. Москвы Ю.Лужковым в постсоветский период, внесли заметное оживление в этнополитическую жизнь крымчан, но не получили ни должного масштаба, ни достаточной глубины. Яркой вспышкой в манифестации идентификационных интересов русских послужил Первый съезд русских и российских общин Крыма, в работе которого приняли участие 142 депутата от 19 организаций, представители Государственной Думы РФ С. Бабурин и Д. Рогозин, а также сотрудники московского Института диаспоры и интеграции⁵.

Пытаясь объяснить причины гражданской инфантильности и политической апатии, авторы искали их чаще всего в каких-либо внешних факторах, не интересовались мотивами внутреннего мира крымчан и прежде всего состоя-

нием их идентичности. Благоприятно, в частности, была воспринята объяснительная гипотеза К. Затулина. Она состояла в том, что неудача организаций, отстаивающих интересы русского населения Крыма, коренились в незаинтересованности Москвы в «поддержке» соотечественников за рубежом⁶.

Никоим образом не отрицая наличия внешних факторов и влияний на состояние и ход этнополитических процессов в Крыму, в т.ч. нарастающее год от года давление со стороны украинских националистических сил на правящие режимы Киева, и соответственно, на курс по проведению принудительной украинизации в отношении неукраинского населения, в нашем исследовании была поставлена задача выявить внутренние факторы, включая региональную и языковую идентичности, определяющие характер и ход интеграционных процессов среди русского и русскоязычного населения.

На общем фоне отсутствия устойчивой консолидированности русского и русскоязычного населения тем более неожиданным и удивительным оказались результаты референдума 16 марта 2014 г. За вхождение Крыма в состав России высказалось 96,77% проголосовавших, т.е. 1 233 002 чел. За второй вопрос в бюллетени «Вы за восстановление действий конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как часть Украины» проголосовало 31 997 избирателей или 2,51%. Явка составила 83,1%. В эти данные не включены результаты голосования в Севастополе, имеющем особый статус. Согласно официальным итогам голосования, за вхождение в состав России высказалось более 95% жителей Крыма.

Ряд признаков и особенностей этнополитической и этнокультурной ситуации, выявленных в ходе реализации этносоциологического исследовательского проекта ИЭА РАН, позволяет предположить, что инфантильность гражданской политической деятельности основной массы крымчан была обусловлена двумя группами факторов: социальной незрелостью и раздробленностью гражданских движений и политических организаций, а также уверенностью крымчан в незыблемости своей территориально-региональной идентичности.

Региональная идентичность – катализатор Крымского референдума

Относительная устойчивость региональной идентичности крымчан имплицитно проявляется, в частности, как в длительности их проживания в Крыму, так и в самой потенциальной готовности (или неготовности) переехать в какой-либо иной регион. Иными словами, географическая «прописка» служит основанием сохранения региональной идентичности.

Таблица 1

**Место проживания как основа региональной идентичности крымчан
(по итогам этносоциологического опроса, в %)***

Национальность	Проживают в Крыму более 10 лет	Желание сменить место проживания			
		Хотели бы переехать		Не хотели бы переехать	
		На Украину	В Россию	На Украину	В Россию
Русские	92,8	11,7	26,2	81,2	64,0
Украинцы	83,5	26,5	13,2	54,7	75,4
Крымские татары	91,3	8,8	13,6	84,3	81,6

* В таблицу не включены данные о не ответивших на вопрос анкет.

Деятельность организаций и общественных движений, отстаивающих интересы русского населения, харизма лидеров этих движений, а также политические программы и декларируемые ценности, не получили общественной поддержки. Основная масса населения вплоть до зимних событий 2014 г. оставалась к этим движениям относительно равнодушной, при том, что примерно одинаковые доли представителей русской, украинской и крымско-татарской национальности (в интервале от 30,2 до 36,5%) знали о существовании в Крыму общественных движений, отстаивающих интересы русского населения.

В отличие от политической компетентности (знают – не знают) солидарность с движением русских организаций, выступающих в защиту русского населения, проявляется и среди русских и среди украинцев (разница по данному показателю почти отсутствует) и резко контрастирует с установками крымских татар. Удельный вес крымских татар, согласных с доктринальными основами и стратегией этих движений, почти в два раза меньше, чем среди приверженцев русской и украинской национальности. Сказываются, с одной стороны, исторические обиды на Россию, а с другой – «политические пряники», которыми время от времени их одаривает Киев, чтобы сохранить раскол между русской и крымскотатарской частью крымчан.

В отечественной литературе нет устоявшегося понятия региона, несмотря на то, что существуют органы государственного управления на уровне регионов и научные исследования по регионализму. Термин «регион» обозначает прежде всего географическое пространство, характеризующее территориальную организацию и социокультурные особенности проживающего в нем населения⁷. Несмотря на многообразие и размытость определений региона, регионализма и прочих словообразований от слова регион, нами уже были рассмотрены ранее правовые основы региональной идентичности на примере жителей Приднестровья, Пермского края, генезис и соотношение ее с рядом

других идентичностей, в т.ч. с этнической, гражданской, имущественной, гендерной, религиозной, а также с демографическими и социально-экономическими факторами⁸.

Анализ социально-экономических, этнодемографических и социокультурных итогов и основных траекторий реформ первого и второго постсоветских десятилетий, позволил определить и объяснить противоречивость векторов этнорегионального развития⁹.

Попытки добиться единого понимания содержания концептуального и операционального понятия регион, предпринимались также на секционных заседаниях Третьего Конгресса этнографов и антропологов России (8–11 июня 1999 г.), но не увенчались успехом. В предметной области региональной этнографии (куратор секции Н.И. Бондарь), этнического аспекта региональной политики (кураторы Ю.А. Горячев, В.Р. Филиппов) рассматривались различные проблемы Волго-Уральского региона¹⁰; ранние этапы тюркизации населения в Среднеазиатском регионе, сохранение этнокультурной специфики русского населения Вятского региона¹¹, этнокультурная специфика населения Самарского края и антропология Устюжского края, выделяемые в качестве хозяйственно-экономической единицы и источника по истории заселения¹², региональные особенности в традиционной народной одежде¹³, роль этнического фактора и этнических мифов в региональной политике¹⁴, регионализм, национальность, целостность в свете региональной социологии¹⁵.

Роль влияния региональной идентичности на судьбу населения того или иного региона была предсказана на заседании одной из секций вышеназванного конгресса в специальном докладе известного российского исследователя И.В. Следзевского «Этнорегионализм в России как культурно-ментальная модель постсоветской действительности и политики». Основываясь на эмпирических исследованиях этнической, региональной и локальной самоидентичности граждан России, он сделал прогноз о том, что «в условиях отсутствия общенациональной идеи и прочных традиций федерализма, усиление этнократических и партикуляристских тенденций в субъектах РФ, региональный образ мира может превратиться в основной контекст политико-нравственных изменений, основу легитимизации власти местных элит, воспроизводство и консолидацию этнорегиональных сообществ»¹⁶.

В теоретическом плане чрезвычайно важным оказался вывод, сделанный также около полутора десятка лет тому назад известной исследовательницей этнического фактора и федерализма в европейских странах М.Ю. Мартыновой. В начале нового тысячелетия, как указывала она в трудах, посвя-

щенных территориальному фактору в этногосударственных отношениях, «этнический фактор, положенный в основу государственного строительства, приводит к противоречию между правом наций (понимаемых как этническое сообщество!) на самоопределение и территориальной целостностью государства»¹⁷. В ряде публикаций М.Н. Губогло этот «гордиев узел», завязанный в XX в. между «правом наций на самоопределение» и «территориальной целостностью государства», назывался «квадратурой круга»¹⁸.

Прогнозы исследователей, занимающихся проблематикой российского и зарубежного этнорегионализма, с удивительной точностью сбылись на примере вспышки региональной идентичности населения Крыма. Фактор крымской региональной идентичности наряду с другими привел Крым в состав России.

Не адресуя напрямую к региональной идентичности жителей Башкортостана, Татарстана, Республики Саха (Якутия) известный российский этносоциолог И.М. Кузнецов представил итоги обстоятельного анализа межрегиональных различий, связанных со спецификой каждого региона и ценностными представлениями людей, связанных внутри каждой республики с имплицитно подразумеваемой региональной идентичностью¹⁹.

При анализе проблем идентичности, в т.ч. и региональной, неизбежно возникают вопросы концептуальных и методико-инструментальных подходов. Некоторые исследователи, сохраняющие приверженность к эмпирическим данным как первооснове этносоциологических исследований, считают не вполне корректным обсуждать проблемы региональной идентичности в тех случаях, когда в анкетах респондентам не задавались вопросы о чувствах и ощущениях региональной идентичности. Между тем, включение в программу этносоциологического исследования в Крыму 2012–2013 гг. проблематики региональной идентичности было продиктовано ее крайне слабой разработкой не только в этносоциологической, но и в ряде других смежных гуманитарных дисциплин.

Региональная идентичность крымчан сыграла немаловажную роль в принятии ими геополитического решения перехода с Украины в состав Российской Федерации. В региональной идентичности, т.е. в осознании своей принадлежности к Крыму как географическому пространству и административной единицы, выражается отношение человека к месту своего проживания как своей малой родине. Людей всех национальностей – русских, украинцев, крымских татар и других – объединяет присущая им этнотерриториальная идентичность, которая квалифицируется как региональная, в основе которой лежит анклавное положение этой полуостровной земли.

В этносоциологическом подходе к исследованию региональной идентичности крымчан учитывается определение региона, принятое авторитетными исследователями при историко-этнографическом районировании территорий Украины. Так, например, в капитальной монографии «Украинцы», изданной ИЭА РАН в серии «Народы и культуры», под историко-этнографическим регионом понимается «этнотерриториальное образование в рамках этноса со специфической исторической судьбой и своеобразным этническим обликом населения, зафиксированное как в исторических документах и региональной символике, так и в исторической памяти людей»²⁰.

Осознание крымчанами своей региональной идентичности формировалось в постсоветский период на базе исторически сложившейся модели совместного проживания и на основе противодействия русского и солидарных с ним представителей иных национальностей принудительной украинизации, которая стимулировалась и подталкивалась политической элитой Киева при поддержке значительной части научной и художественной интеллигенции. Аналогичные процессы имели место в левобережной части Молдавской ССР, в ходе которых формировалась приднестровская региональная идентичность на базе осознания этнотерриториальной общности молдавского, украинского и русского населения²¹.

Известным гарантом и фундаментом региональной идентичности крымчан служила конституция Крымской автономной республики, согласно которой основными принципами АРК является: «народовластие, верховенство права, конституционность, соблюдение и обеспечение прав и свобод человека и гражданина, законность, выборность, коллегиальность, гласность, сочетание интересов АРК и общегосударственных интересов Украины». Основными гарантиями АРК и, следовательно, региональной идентичности жителей Крыма, являются: «правовая, организационная, финансовая, имущественная, ресурсная самостоятельность в пределах, установленных Конституцией Украины; учет особенностей АРК, предусмотренных Конституцией Украины, органами государственной власти Украины при принятии решений, касающихся АРК». Перечень приведенных, а также многих других норм, принципов и полномочий крымской конституции свидетельствует о полной зависимости региональной идентичности жителей Крыма от их гражданской принадлежности Украине. И, похоже, до тех пор, пока не будут окончательно урегулированы отношения между Киевом и Симферополем на надежной правовой основе и на признании права крымчан на самоопределение, обе идентичности – региональная и гражданская, будут совпадать, раскрывая смысловую нагрузку одной с помощью другой, и на оборот.

Как показали предыдущие опросы в различных регионах бывшего Советского Союза, принципиальное значение имеют «весовые категории» двух идентичностей – этнической и религиозной. Так, например, измерение значимости идентичностей в непризнанной Приднестровской Республике выявило относительную равнозначность каждой из них в общей системе идентификационных ценностей²².

Для жителей Крыма значимость гражданской и национальной идентичности при некоторых различиях в понимании региональной идентичности как принадлежности к «малой» или «исторической» родине оказалась не вполне одинаковой. Все крымчане независимо от этнической принадлежности в ходе опроса 2013 г. единодушно указали себя гражданами Украины. Гражданами России указали себя несколько человек: среди крымских татар (около 1%), до 3,4% – среди русских. Вместе с тем в рамках единой региональной идентичности мнения разделились по поводу значимости этнической идентичности, составив для русских – 59%, для украинцев – 52,2%, а для крымских татар – 88,5%.

Регионы Украины и региональная идентичность – источники риска для федерализации

Крым – далеко не единственный регион, порождающий страхи и риски у политической элиты Киева перед перспективой федерализации и магнетирующим притяжением русского языка и российской культуры. Вопреки конституционному унитаризму и упорной борьбе сторонников общей национальной консолидации за единую украинскую нацию, понимаемую скорее в этническом, чем в гражданском (полиэтническом) смысле, Украина состоит из ряда историко-этнографических регионов, формирование которых пронизывало историю Украины и украинцев со времен древнерусских летописей. Не случайно в фолианте «Украинцы», подготовленном совместными усилиями российских и украинских этнографов, археологов и фольклористов в серии «Народы и культуры», одна из первых и наиболее важных глав посвящена подробному описанию историко-этнографического районирования²³.

Имеет смысл коротко напомнить о регионах Украины в рамках активно обсуждаемой проблематики федерализма и локальной истории на примере отдельных регионов. При этом мы не ставим перед собой задачу углубляться в региональную историю Украины, которая широко обсуждается украинскими и зарубежными коллегами в серии тематически ориентированных сборников статей «Регіональна історія України»²⁴, а также в тщательно сформиро-

ванной подборке публикаций, в которых небезболезненно обсуждаются проблемы «раскола» Украины, федерализма и регионалистики как неприемлемой модели украинского нацистроительства²⁵.

Подводя некоторые итоги фрагментарной этнической истории украинцев, известный украинский этнолог, авторитетный знаток дискурса украинского регионализма А.П. Пономарев, характеризует исторически складывающееся членение Украины как иерархического ряда, в котором наиболее крупная единица региональных образований представлена историко-этнографическим регионом, подразделяющимся на подрегионы, в свою очередь состоящие из исторических зон, иногда включающих в свой состав сравнительно небольшие этнографические области²⁶.

Фрагментация земель, населенных украинцами, проходила в связи с колонизацией отдельных территорий соседними государствами: Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой, Венгрией и Австро-Венгрией, Румынией, Чехословакией. Среди представителей различных научных дисциплин – экономистов, историков, искусствоведов, языковедов и фольклористов, не было единого мнения ни о критериях районирования, ни о количестве выделяемых регионов.

На основе обширных этнографических исследований, проведенных в 1970–1980 гг. было выделено шесть историко-этнографических регионов: Среднее Поднепровье, Подолье, Карпаты, Полесье, Полтавщина со Слобожанщиной и юг Украины. И хотя этот панорамный вариант районирования был положен в основу архитектурно-этнографической экспедиции Музея народной архитектуры и быта Украины, споры и дискуссии на этом не закончились.

Новую остроту и напряженность идеи национальной идентичности и поискам региональной придают реанимация прежних и попытки создания новейших моделей нацистроительства на Украине²⁷.

С достаточно убедительной искренностью истинной целью многих из этих исследований, направленных на изучение различных видов коллективной идентичности, а на самом деле на замеры «успешных» идентификационных обретений, а также потерь постсоветской Украины в деле общенациональной консолидации на почве сопротивления «второму государственному языку», рассекретила одна из авторитетных участниц – Т.С. Воропаева, в ряде своих публикаций²⁸.

Немалую «помощь» в придании современной политике неоукраинизации антирусской направленности и ксенофобской окраски сыграли зарубежные вливания в социологические проекты исследования проблем этнической,

гражданской и т.н. «европейской» идентичности жителей Украины. Не трудно себе представить размеры грантов, выделенных фондами Фридриха Эберта «Возрождение» и Фундаментальных исследований Министерства образования и науки Украины, а также Ассоциацией украинских банков для реализации дорогостоящих социологических научно-исследовательских, а также научно-информационных проектов, в ходе выполнения которых на протяжении 1991–2012 гг. были «изучены» 41 500 респондентов от 18 до 87 лет.

Вышеупомянутая формула «европейская» идентичность берется в кавычки по простой причине, что ее дефиниция не определена среди «этнической, религиозной, региональной, гражданской и национальной идентичности», изучению которых с разных теоретико-методологических позиций посвятили свои труды несколько десятков исследователей, перечисленных Т.С. Воропаевой²⁹.

«Коллективная идентичность» согласно методологической установке Т.С. Воропаевой «охватывает определенное “мы” конкретного общества...» и «как общее чувство принадлежности к определенной общности или обществу отражает наиболее существенные связи между людьми»³⁰.

Запомним этот тезис, т.к. согласно заданной спонсорами цели исследования – влияние чемпионата Европы по футболу 2012 г. на трансформацию национальной идентичности граждан Украины, состояла в том, чтобы показать, как он (чемпионат) «сможет оказать позитивное влияние на динамику развития цивилизационной европейской, и национальной идентичности граждан Украины»³¹.

Как и следовало ожидать, проплаченное «задание» вполне оправдывалось: высокий уровень формирования цивилизационной идентичности граждан возрос в 2012 г. по сравнению с 2010 г. под влиянием чемпионата Европы по футболу с 28% до 35%, а средний уровень за тот же период – с 39% до 44%. Тем не менее такое продвижение граждан Украины в коллективную европейскую идентичность заказчикам социологических опросов показалось не вполне достаточным. Интерпретаторы проведенного опроса поспешили выявить причину неудачи. Оказалось, что форсированному продвижению украинцев, в т.ч. в городах – Донецке, Киеве, Львове, Харькове, мешал русский язык, а также принятый 3 июля 2012 г. Верховной Радой Украины закон № 9073 «Об основах государственной языковой политики», за который во втором чтении проголосовало 248 «депутатских карточек».

Социологические исследования Т.С. Воропаевой позволили ей вынести приговор закону № 9073 «Об основах государственной языковой политики», при помощи которого, во-первых, «был нивелирован прекрасный шанс на

общенациональную консолидацию», а, во-вторых, был нанесен наиболее ощутимый удар «по национальной идентичности украинских граждан»³².

Воропаева Т.С. открытым текстом сообщает, что математико-статистические методы позволили ей «выявить пример» тех идентификационных потерь Украины, которых бы не было, если бы не был принят названный выше закон³³. Иными словами выходит, что малейшие послабления русскому языку наносят удар по национальному единству страны и способствуют расколу страны и в конечном итоге мешают украинскому нацистроительству на этнократической основе.

Политические ориентации крымчан

Региональная идентичность крымчан в немалой мере «подпитывается» и манифестируется политическими предпочтениями. Накануне вхождения Крыма в состав России общественное мнение было расколото в зависимости от преимущественно прозападной или провосточной ориентацией граждан различной национальности. Немногим более одной пятой части русских и украинцев видели будущее Украины в составе Европейского Союза. Среди крымских татар доля настроенных на Европейский Союз приближалась едва ли не к трети населения. Межэтнические различия особенно заметно проявлялись в ориентациях на вхождение Украины в Таможенный Союз. Более масштабно были распространены среди русских (31,2%), меньше всего среди крымских татар (7,1%). Многократное несовпадение политических, языковых и некоторых этнокультурных, в том числе религиозных ориентаций русских и крымских татар, свидетельствует об исторической обиде, похожей на многослойный пирог, транслируемой из поколения в поколение у крымских татар. При этом за все этапы трагической эмиграции части крымско-татарского населения за пределы Крымского полуострова как исторической родины этого народа счет предъявляется России, как имперской, так и советской³⁴. Так, например, в статье, приуроченной к 70-летию депортации крымских татар, перечисляются трагические и эмиграционные волны, начавшиеся сразу же после включения крымского полуострова в состав Имперской России в конце XVIII в. Крымско-татарские интеллектуалы неоднократно упоминали о самоубийственных выездах крымских татар за пределы Крыма в середине XIX в., а также на рубеже XIX–XX вв. Со ссылкой на официальные источники в литературе упоминается о том, что в середине XIX в. Крым покинуло около 130 тыс. крымских татар. Наиболее катастрофическими были последствия депортации крымских татар, проведенной с особой жестокостью в 1944 г. в соответствии со сталинским постановлением ГКО «О крымских татарах»³⁵.

Еще одно подтверждение надежд крымских татар на будущее, не связанное, с Россией, обнаруживается в том, что удельный вес сторонников Украины, свободной от Европейского и Таможенного союзов, был в два раза больше, чем среди русских. Украинская часть крымчан высказалась за это также более чем в два с половиной раза чаще, чем русская (см. табл. 2).

Таблица 2

Гражданская активность и внешнеполитические предпочтения крымчан (по итогам этносоциологического опроса 2013 г., в %)*

Национальности	1	2	3	4	5	6
Русские	33,9	61,2	3,9	22,2	31,2	10,8
Украинцы	30,2	62,3	5,4	20,3	19,5	27,1
Крымские татары	36,5	22,9	1,1	28,6	7,1	21,4

* 1. Знают общественные движения, которые отстаивают интересы русского населения в Крыму.

2. Согласны с деятельностью этих организаций.

3. Принимают личное участие в деятельности этих организаций.

4. Желают вхождения Украины в Европейский Союз.

5. Желают вхождения Украины в Таможенный Союз.

6. Желают видеть Украину государством, свободным от объединений.

***Портреты двуязычного и одноязычного
русского населения Крыма***

Гражданская активность и внешнеполитические ориентации

Немалый интерес представляет вопрос, каким образом накануне крымского референдума языковые установки соотносились с политическими предпочтениями?

Прочность региональной идентичности крымчан и относительная уверенность в сохранении традиционной языковой жизни при сохранении знания и употребления русского языка не вполне корреспондирует с их гражданской активностью и политическими предпочтениями. С одной стороны, у русских с лояльным отношением к государственному языку, которым «должны владеть все граждане Украины», группа лиц, знающих о существовании общественных движений, отстаивающих интересы русского населения в Крыму или согласных с его идеологией, почти равна или немногим многочисленнее другой группы, которая не согласна с тезисом о необходимости владеть украинским языком (см. табл. 3). С другой стороны, эти же самые две группы с лояльной и протестной установкой на обязательное владение украинским языком отли-

чаются между собой тем, что среди первых несколько ниже (на 16,8%), удельный вес принимающих непосредственное участие в деятельности гражданских движений, отстаивающих интересы русского населения.

Несо согласованность языковых и политических ориентаций отчетливо прослеживается на примере отношений двух групп русского населения – лояльной и протестной – к будущему Украины. С одной стороны, русские лояльные к украинскому языку в большей мере (более чем в два раза), чем протестные, желают видеть Украину в составе Европейского Союза или быть свободной от объединений в тот или иной союз. С другой стороны, среди «протестных» языковых групп больше, чем среди «лояльных», удельный вес лиц (на 13,8%), предпочитающих видеть Украину в составе Таможенного Союза (см. табл. 3).

Таблица 3

Гражданская активность, внешнеполитические ориентации в связи с отношением к «обязательному владению украинским языком» (по итогам этносоциологического опроса 2013 г., в %)

Все граждане Украины должны владеть украинским языком	Деятельность общественных движений, отстаивающих интересы русского населения			Каким видят будущее Украины		
	знают	согласны с их деятельностью	принимают личное участие	в составе		государством, свободным от объединений
				Европейского Союза	Таможенного Союза	
Согласны (лояльные)	35,4	14,6	2,8	31,3	43,8	13,9
Не согласны (протестные)	30,9	27,9	1,8	14,5	57,6	8,5

Вопросы языковой жизни и двуязычия русского населения Украины и Крыма приобрели в постсоветский период принципиальное значение. Несмотря на демократически окрашенную риторику, которой сопровождается реализация языковой политики Киева, современная украинизация в отличие от довоенной носит скорее принудительный, чем добровольный характер. Поэтому мы ее называем неоукраинизацией, тем не менее, она приносит свои плоды и, как показали переписи населения на Украине, подтвержденные социологическими опросами, определенные группы русского населения в той или иной степени приобщаются к украинскому языку и употребляют

его в повседневной жизни и, особенно, в официальных сферах. Возникает вопрос, чем является украинский язык для русских: товаром, который надо купить, чтобы продавать себя на рынке труда, или инструментом для передвижения по каналам вертикальной мобильности, или художественной ценностью, чтобы наслаждаться в оригинале культурным достоянием украинского народа.

Приблизиться к ответу на поставленный вопрос, можно, как нам кажется, с помощью моделирования, составив здесь и ниже демографический, социокультурный, языковой и политико-правовой портреты (таксоны) для двуязычного и одноязычного русского населения, обратившись к эмпирическим данным о языковой жизни в Крыму.

Еще раз напомним, что по данным этносоциологического опроса в Крыму в 2013 г., без малого каждые двое из троих русских владели украинским языком. На основе проведенных фокус-групп можно предположить, что масштабы или во всяком случае уровень владения украинским языком, на самом деле несколько меньше и ниже, чем самооценка опрошенных респондентов. В самом деле, как следует из данных того же опроса, лишь 14,5% русских крымчан «свободно говорили, читали, писали и думали» на украинском языке. Без малого половина (45,7%) могли говорить и читать, но первым языком для них был все же русский, т.к. думали на нем.

Не продолжая детальный анализ состава согласных (лояльных) и несогласных (протестных) групп русского населения, так как у нас нет данных по сельским жителям и населению малых и средних городов, можно видеть, что в составе первой группы (лояльных) преобладают лица, знающие о деятельности общественных движений, отстаивающих интересы русского населения, ориентированные на вхождение Украины в Европейский Союз или на Украину, свободную от внешнеполитических объединений. В составе второй группы (протестных) больше тех, кто согласен с деятельностью прорусских общественных движений и ориентированных на Таможенный Союз.

Этнодемографический портрет

Демографические характеристики двуязычного и одноязычного русского населения не вызывают необходимости в сколько-нибудь объяснительных комментариях. Среди первых (двуязычных) удельный вес мужчин меньше, чем среди вторых, почти на 19%, среди вторых, напротив, доля женщин едва ли не в два раза превосходит долю женщин, не владеющих украинским языком (см. табл. 4).

Таблица 4

**Демографический состав двуязычного и одноязычного
русского населения Крыма
(по итогам этносоциологического опроса 2013 г., в %)***

Языковые категории по владению украинским языком	Пол		Возраст			Сколько проживают в Крыму	
	м	ж	18–29	30–49	50 и старше	До 10 лет	Более 10 лет
Владеют	37,1	62,9	24,6	43,3	29,0	8,2	90,5
Не владеют	56,0	44,0	14,7	23,3	62,1	5,2	91,4

* Распределение ответов приводится от общего числа опрошенных

Таблица 5

**Миграционные намерения при двуязычии и одноязычии
русского населения Крыма
(по итогам этносоциологического опроса 2013 г., в %)**

Языковые категории по владению украинским языком	Хотели бы переехать в другой район Украины		Хотели бы переехать в какой-либо регион России для работы, на учебу или на постоянное место жительства	
	да	нет	Да	Нет
Владеют	13,3	76,7	22,9	66,2
Не владеют	8,6	88,8	31,9	59,5
Согласны	12,5	81,3	20,8	73,6
Не согласны	9,1	84,2	32,1	55,2

Социокультурный портрет

Сопоставление образовательного и социального состава двуязычных и одноязычных русских граждан Крыма снова дает вполне ожидаемые результаты. Среди двуязычных доля лиц со средним образованием ниже, чем среди одноязычных. Образовательный уровень русского населения Крыма находится в ряду факторов распространения русского языка среди крымчан. В составе одноязычных удельный вес лиц с высшим образованием почти в 4 раза меньше, чем среди двуязычных, т.е. среди русских, владеющих украинским языком. В советские времена социальный статус человека и соответствующие ему признаки продвинутости, в том числе в зарплате и получаемых благах, во многом определялись уровнем образования. Рыночная экономика во многом нарушила эту закономерность, выдвинув на первый план наличие финансового капитала и недвижимость.

Однако следы былой зависимости сохранились, хотя и частично, а в постсоветский период, судя по данным этносоциологического исследования 2013 г., эта закономерность также проявилась и имеет тенденцию к реализации.

Выдвижение на передний план в домайданный и постмайданный периоды вопроса придания русскому языку статуса второго государственно-го языка наряду с проблемой федеративного устройства оказало бы позитивное влияние на этнополитическую ситуацию на Украине. Однако сторонники и участники оранжевой революции и майданных «революционных» действий, при поддержке европейских держав и США, категорически против решения каждой из этих проблем. Смысл противодействия понятен. Между тем решение каждой из двух названных проблем означало бы разделение властных полномочий с регионами и с русскоязычной частью Украины.

Внедрение официального (на правовой основе) русско-украинского и украинско-русского двуязычия как способ оптимизации этнополитических проблем на Украине, означало бы шаг страны в сторону России. Однако европейские страны, ведомые властной рукой американских сторонников однополярного мира, совсем не заинтересованы в украинско-российском сближении. Под влиянием западных инвестиций, особенно на дорогостоящие «исследовательские» проекты, замеряющие темпы и качество европеизации общественного мнения на Украине, на «революционные» инициативы Майдана при поддержке антироссийских советников раскол Украины происходит и углубляется не только по межэтнической и региональной идентичности населения прозападных и провосточных областей, но и по внутриэтническим линиям. Среди одноязычных русских (не владеющих украинским языком) преобладают мужчины в возрасте 50 лет и старше, имеющих среднее образование, находящихся на пенсии и не желающих переезжать в какой-либо другой регион Украины (см. табл. 4, 5, 6).

В составе двуязычных, т.е. русских, владеющих украинским языком, несколько выше доля женщин, молодежи в возрасте от 18 до 29 лет и лиц среднего возраста (30–49 лет), имеющих высшее образование, работающих и занятых умственным трудом, хотящих переехать в другой регион Украины, и не изъявляющих желание переехать в какой-либо регион России (см. табл. 4, 5, 6).

Таблица 6

**Социокультурный состав двуязычных и одноязычных русских
(по итогам этносоциологического опроса 2013 г., в %)***

Языковые категории по владению украинским языком	Образование		Занятие		Кем работают	
	Среднее	Высшее	Работают	Пенсия	Умственный труд	Физический труд
Владеют	37,7	42,4	51,9	13,8	16,2	21,0
Не владеют	45,6	11,2	35,3	45,7	10,3	21,6

*В таблицу не включены данные о лицах, не имеющих образования или не ответивших на данный вопрос.

Материальное положение

Самооценка собственного материального положения является некой субъективной равнодействующей, основанной на таких объективных показателях, как соотношение потребностей и запросов людей, их мировоззрение, уровень культуры и образования, занятость, в том числе умственным или физическим трудом, соотношение доходов и расходов. Похоже, не стало ошибкой включение в научно-исследовательский проект по изучению языковой жизни крымчан задачи по обнаружению связи языковых и внеязыковых явлений и, в первую очередь, корреляции между двуязычием русского населения Крыма и его самооценками собственного материального положения за последний год. Согласно итогам этносоциологического опроса крымчане распределяются на три неравные группы по своим материальным возможностям. На полярных позициях, – с одной стороны, хорошо обеспеченных, а с другой – беднейших слоев – находятся две группы населения. Первая – русские, которые «очень хорошо живут, ни в чем себе не отказывают, могут купить себе дом, квартиру», вместе с теми, у кого «материальное положение хорошее, но покупка дома или квартиры недоступна», составляет почти пятую часть русского населения Крыма. Ко второй группе, когда «денег не хватает на еду и предметы первой необходимости», относится почти каждый двадцатый человек русской национальности. И наконец, третью группу русских, самую многочисленную – 64,6%, составляют те, у «кого денег хватает на еду и на предметы первой необходимости».

Конфигурация выявленных трех групп русского населения практически мало меняется, если рассматривать их через таксоны двуязычных и одноязычных. Тем не менее, было бы некорректно не отметить, что в составе «двуязычных» русских удельный вес первой (богатой) группы составляет на 5,5% больше, чем в составе «одноязычных». И, напротив, в составе одноязыч-

ных русских доля «беднейших на 5,5% больше, чем в составе «двуязычных». Коротко говоря, среди русских, знающих украинский язык, доля зажиточных людей несколько выше, чем среди не владеющих государственным языком.

Еще один показатель языковых характеристик русского населения Крыма по критерию «согласны», «не согласны», с тем, что «все граждане Украины» должны владеть украинским языком, подтверждает однотипные корреляции между носителями русско-украинского двуязычия и самооценкой уровня материального положения русских в Крыму (см. табл. 7).

Таблица 7

**Самооценка материального положения среди двуязычного и
одноязычного русского населения Крыма
(по итогам этносоциологического опроса 2013 г., в %)**

Языковые категории по владению украинским языком	Оценивают собственное материальное положение за последний год		
	1. Ни в чем себе не отказываем, можем купить дом, квартиру. 2. Материальное положение хорошее, но покупка дома или квартиры недоступна. 3. Возможна только покупка автомобиля	Денег хватает на продукты питания и повседневные затраты	Денег не хватает на еду и предметы первой необходимости
Владеют	21,0	64,3	5,2
Не владеют	15,5	63,8	16,4
Согласны	21,6	65,3	3,5
Не согласны	18,2	63,6	12,7

Поворот от украинизации к неоукраинизации

После хрущевской волонтаристской инкорпорации Крыма в состав Украины в 1954 г., неоднократно предпринимались усилия отказать постоянно-му населению Крыма именовать себя по месту проживания крымчанами, независимо от их этнической и религиозной принадлежности. Вместо этого культивировались проукраинские этнические идентичности в зависимости от самосознания людей и украинская идентичность как принадлежность к Украинской республике.

Однако настойчивая политика официальной власти по форсированной украинизации, имела целью не только расширение функциональной нагрузки украинского языка во всех сферах официальной жизни, но и дополнение языковой украинизации такими этнокультурными ценностями, с помощью которых обеспечивался бы переход неукраинского населения в состав украинского этноса.

Итоги целенаправленной этнической политики, направленной в постсоветский период на языковую и этническую ассимиляцию неукраинского населения, коренным образом отличаются от итогов украинизации, осуществлявшейся в 1920–30-е гг.

Принципиальное отличие состояло в том, что в довоенный период и в первые послевоенные годы украинизация имела прогрессивный характер, т.к. решала задачи по ликвидации безграмотности, особенно среди сельских украинцев, по обогащению вокабуляра и совершенствованию грамматики украинского языка, служило расширению его функциональной нагрузки в сфере политики, культуры, средств массовой информации, в ряде сфер повседневной жизни.

Большевистская политика украинизации служила, в конечном итоге, совершенствованию социальной структуры украинского этноса, обогащению культуры и укреплению этнического самосознания. Задача состояла в том, чтобы помочь украинцам с помощью языка своей национальности сохранять исторически сложившееся культурное наследие и продолжать его развитие и обогащение с помощью украинского языка. Политика украинизации не преследовала прямой цели по ассимиляции неукраинского населения. Она обращена была, главным образом, на дерусификацию и украинизацию украинцев, не претендовала на дерусификацию и ассимиляцию русских.

Без проведения конкретно-социологических исследований источниковая база изучения языковой жизни на Украине в советские времена отличалась скудостью эмпирических данных. Крупные центры по исследованию языковой ситуации, внешней истории языка и роли языковых процессов, в том числе украинизации, ограничивались «освещением» ленинского теоретического наследия по вопросам национально-языкового развития и национально-государственного строительства³⁶.

Доктринальная основа украинизации в 1920–1930-е гг.

Доктринальная основа советской украинизации и ее идеологическая риторика служили обоснованию и утверждению украинского политического проекта, его этнокультурной подпитке с тем, чтобы черты сходства между украинцами, русскими и белорусами приобретали менее важное значение, чем этнокультурные, этноязыковые и этнопсихологические различия. При этом в 1920–30-е гг. задачи украинского нациестроительства не предполагали включения русского и остальных групп неукраинского населения в состав этнических украинцев.

Более того, советская модель украинизации не отвергала украинско-русского двуязычия, которое приверженцы украинского политического проекта рассматривали как часть этнополитического процесса.

Основоположником теории и практики украинизации, считается известный историк и политический деятель Михаил Грушевский. «Еще в период существования УНР (Украинской народной республики – (1917–1919 гг.), – как свидетельствует Е. Борисёнок, – стала проводиться политика на повышение статуса украинского языка, что одновременно означало сужение сферы употребления русского языка. Для правительств национальный язык являлся символом суверенности»³⁷.

Доктринальные основы большевистской украинизации были предложены как руководство к действию участниками Восьмой Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в Москве 2–4 декабря 1919 г., хотя сам термин «украинизация» в тексте специальной резолюции ЦК РКП, подтвержденной этой конференцией, еще не был употреблен.

Призыв к оказанию помощи в функциональном развертывании украинского языка в ряде сфер официальной жизни преследовал, главным образом, политические цели и, прежде всего, «завоевание к себе доверия со стороны не только крестьянской бедноты, но и широких слоев среднего крестьянства, которое своими подлинными интересами теснейшим образом связано с советской властью»³⁸.

Историческое значение упоминаемого здесь политического документа «Резолюции Восьмой Всероссийской конференции РКП (б)» состоит в том, что была изложена суть политики, направленной на укрепление внешней истории украинского языка, как рычага для ускоренного формирования политической элиты, владеющей украинским языком. В виду того, что, – объяснялось в резолюции, – украинская культура (язык, школа и т.д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России, ЦК РКП (б) вменяет в обязанности всем членам партии всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры <...> Члены РКП (б) на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в оружие коммунистического просвещения трудовых масс. Немедленно же должны быть приняты меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке»³⁹.

Курс на политизацию и идеологизацию языковой жизни и этничности, положенный большевиками в основу государственной национальной и языковой политики, преследовал цель накопления социального капитала путем укрепления доверия между народами и социальными классами и, прежде всего, между рабочим классом и крестьянством. Этот курс едва ли не с первых дней его реализации обнаружил две опасности: уклон в сторону великодержавного шовинизма и в сторону местного национализма. Пытаясь преодолеть эти уклоны, чтобы благополучно пройти между Сциллой русификации и Харибдой украинизации, партийное руководство выражало свою озабоченность в ряде документов, в том числе в решениях Десятого съезда РКП (б). Опасность возникновения осложнений в межатнических отношениях возникала из двух разных источников. Политики и эксперты понимали, что «с одной стороны, работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования “державной” нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности<...> Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колониаторству, великорусского шовинизма».

В этом же документе приводилось объяснение, что «с другой стороны, коммунисты-туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе <...> Это обстоятельство в свою очередь ведет к уклону от коммунизма в сторону буржуазно-демократического национализма, принимающего иногда форму панславизма, пантюркизма (на Востоке)»⁴⁰.

Подводя итоги происхождения и укоренения курса на украинизацию в довоенном периоде, можно с полным основанием сделать вывод о том, что украинизация и коренизация как часть государственной (ленинско-сталинской) национальной политики, как часть политики *affirmative active* («аффирмативных действий»), стали тем бумерангом, который в послевоенные годы и особенно в постсоветский период, обернулись признаками и призраками неоукраинизации, направленной не столько «за» украинский язык, сколько против русского языка, на вытеснение представителей неукраинского населения из ряда сфер жизни и прежде всего из сферы управления, образования и культуры.

На XII съезде РКП (б) политика «коренизации» стала обобщающим региональным выражением «украинизации» и других региональных политик по оказанию поддержки языкам и культурам нерусских народов. В решении по

национальному вопросу съезд рекомендовал членам и организациям партии в качестве практических мер по реализации политики коренизации добиваться того, чтобы в системе высших органов Союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик.

Особое внимание в этом же документе, заложившем основы национальной языковой политики, подчиненной на самом деле кадровой политике и политическим целям, уделялось внешней истории языка. Директивно рекомендовалось, чтобы «...органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов». Украинизация как часть политики коренизации осуществлялась на правовой основе.

В партийных документах, в т.ч. в решениях XII съезда РКП (б), особое внимание обращалось на то, чтобы «были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств»⁴¹.

Об идеологических смыслах политики «коренизации» и, следовательно, украинизации, прямо указывалось в связи с задачами «по вопросам пропаганды, печати и агитации». Соответствующий пункт директивы гласил: «Ликвидация политической неграмотности среди членов партии и беспартийных нацменьшинств должна вестись на соответствующем родном языке. При этом, как и при всей работе по начальному политическому просвещению взрослых, должно быть обращено серьезное внимание на ликвидацию общей технической неграмотности на родном языке»⁴².

Реализуя политику украинизации или коренизации среди нерусских народов, авторы осознавали потенциальные опасности при ее проведении, в частности, угрозу возрастания местного национализма среди ряда народов, поскольку уже тогда отмечались «...у восточных народов рост панславизма, пантюркизма, у евреев — наряду с распадом прежних соглашательских партий сильный рост сионистских клерикально-кадетских группировок, у поляков — стремление захватить школу со стороны католического духовенства, у латышей и эстонцев — рост баптизма»⁴³.

На примере разоблачения идеологических постулатов группы татарских националистов во главе с Султан-Галиевым, четвертое совещание ЦК РКП(б)

с ответственными работниками национальных республик и областей разработало в июле 1923 г. программу практических мер по реализации и корректировке политики коренизации. Стратегия реализации политики коренизации предусматривала: а) создать школы на родном языке; б) создать марксистскую литературу на родном языке; в) иметь хорошо поставленную периодическую печать на родном языке; г) расширить деятельность Университета народов Востока в центре и на местах...»⁴⁴.

В государственной поддержке политики коренизации на языках народов Советского Союза наметился некоторый перелом в конце 1920-х гг. В постановлении ЦК ВКП (б) от 17 мая 1929 г. подчеркивалась острая необходимость коренного перелома в работе по ликвидации неграмотности с целью реализации практических мер по мобилизации всех сил и средств на основе единого плана для решительного улучшения дел в сфере народного просвещения. Однако в этом постановлении, в отличие от ряда предыдущих документов, ни слова не говорилось о роли родных языков в оптимизации работы по ликвидации неграмотности, хотя и подчеркивалась необходимость обращать особое внимание на состояние дел в уровнях образования в ряде восточных республик и областей и среди отдельных национальных меньшинств.

Еще через год, в 1930 г., в Постановлении ЦК ВКП (б) «О всеобщем обязательном начальном обучении», продолжилась стратегия «замалчивания» роли родных языков в осуществлении всеобщего обязательного обучения, а также в деле совершенствования идеологической работы и пропаганды.

Смягчение курса украинизации накануне Великой Отечественной войны

В 1930-е гг. наступило отрезвление от последовательной украинизации по мере усиления тенденций к сближению народов Советского Союза. В известной мере «обуздание» советской украинизации довоенного периода наметилось в начале 1930-х гг., что нашло свое отражение в постановлении «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». При этом видимым рубежом смены курса языковой политики стал 1938 г., когда были приняты постановления «Об обязательном изучении русского языка в украинских школах» и о фактическом и юридическом уравнивании в правах русскоязычной газеты «Советская Украина» (орган ЦК КП(б)) с украиноязычной – «Коммунист»⁴⁵.

Попытки отдельных политических деятелей Украины приостановить сворачивание украинизации во второй половине 1930-х гг. были обречены.

Они оказались несостоятельными по той причине, что по мере усиления централизации власти в СССР росло значение русского языка, как общегосударственного и как языка межнационального общения. Более того, уже в этот период для нового поколения общественных деятелей Украины знание русского языка стало важным «аргументом» в построении личной политической карьеры. Типологически сходные процессы возрастания роли русского языка, как уже отмечалось в литературе, имели место в ряде других республик Советского Союза.

Вспомним, что в годы первой и второй (1928–1932 гг., 1933–1937 гг.) пятилеток и далее в ходе национально-государственного строительства в СССР в верхние этажи молдавской нации рекрутировались представители молдавской национальности с хорошим владением русским языком. Для первых руководителей различных ведомств и рангов Молдавской ССР, локомотивом вертикальной (социальной) мобильности служил русский язык. Сходным путем формировалась гагаузская интеллигенция, пройдя в 1960–70-е гг. в ходе форсированной социализации путь из почти безграмотного состояния в межвоенном периоде и в годы Королевской Румынии до сплошной грамотности и поголовного среднего образования в годы хрущевской «оттепели» и так называемого брежневского «застоя». Накануне развала СССР «языковая революция» в Молдове с тремя законами о языках открыла путь лицам, знающим молдавский язык, и закрыла русскоязычным⁴⁶.

Пример соседнего Молдавского государства имеет принципиальные точки соприкосновения с поворотом от украинизации к неоукраинизации на Украине. Современные этнополитические процессы в Молдавии и на Украине, набравшие крутые обороты с референдума в Гагаузии (02.02.2014 г.), событий на Майдане и референдума в Крыму (16.03.2014 г.) показали исключительно важную роль, которую играют языковая политика и двуязычие в ходе нациестроительства на пороге XXI столетия.

Тактика и стратегии неоукраинизации в сфере школьного образования

После развала Советского Союза Украина стала суверенным государством, одной из самых крупных по численности населения стран Европы. Принятие конституции, закрепляющей унитарный характер политического устройства украинской государственности и становления этнократического характера власти и властных структур, породило стремление «подогнать» под этнократическую государственность и этнически единое население. Создание

этнически однородного и политически унитарного государства выдвинуло задачу по украинизации не только украинского, но и неукраинского населения страны.

Обозревая историографию научной, публицистической и художественной литературы, а также данные конкретных исследований и их результатов, представляется, как уже отмечалось, уместным именовать постсоветский вариант украинизации неоукраинизацией.

Политическая воля и правовые основы неоукраинизации уже рассматривались в ряде публикаций, в т.ч. статьях одного из авторов данной работы⁴⁷.

В дополнение к уже сказанному и имеющимся интерпретациям причин новейшего после распада Советского Союза этапа украинизации, насыщенного антирусской риторикой, можно считать курс языковой политики КПСС в 60–80-е гг., направленный на русификацию языковой среды на Украине в ущерб интересам распространения и функционального развития украинского языка. Заметными вехами на этом пути можно считать серию партийных документов и решений о создании приоритетных условий для распространения русского языка в ряде сфер языковой жизни.

В связи с постановлением Пленума ЦК КПСС «О переходе украинских школ на русский язык преподавания», депутаты Верховной Рады УССР в 1959 г. приняли соответствующее Постановление. Приказ Министерства образования УССР в 1978 г. о написании и защите диссертаций только на русском языке и утверждение диссертаций в Москве ограничил функциональное развитие украинского языка в сфере науки и высшего образования. В 1978 г. на Коллегии Министерства образования УССР была принята директива «О совершенствовании изучения русского языка в украинской школе». Не ограничиваясь кратким перечнем документов, имеющих привкус ассимиляторской политики накануне развала Советского Союза, деятели науки и культуры составляют в интернете всесоюзные «Хроники уничтожения украинского языка», различные перечни исторических обид и травм, нанесенных украинскому языку, в т.ч. «Краткую хронику геноцида и русификации Русской империей украинцев». Предвзятость данной хроники хорошо видна в самом ее названии. Обращает на себя внимание, что Имперская Россия именуется «Русской империей». Перечень обид начинается в этой хронике с 1627 г., когда указом московского царя Алексея Михайловича и его отца патриарха Филарета было велено книги на украинском языке собирать и «сжечь с суровым запрещением когда-либо в будущем издавать украинские книги»⁴⁸.

Красноречивым примером травмирующей историческую память научной и особенно художественной интеллигенции Украины и сыгравшего роль

катализатора этнического самосознания и этнополитической мобилизации, сыграло специальное постановление «Об улучшении изучения украинского, русского и других языков народов Украины», принятое в Киеве в соответствии с директивным указанием в февральского Пленума ЦК КПСС в 1989 г. Запоздавшая попытка официальной языковой политики СССР, пытающейся устанавливать с помощью национально-русского двуязычия баланс языковой ситуации в союзных республиках СССР, в т.ч. и на Украине, стал едва ли не поворотным моментом от советской русификации к постсоветской неоукраинизации.

Недавно открытые архивы, в т.ч. партийные документы «для служебного пользования», дают основание некоторым экспертам «отодвинуть» пик русификаторской политики КПСС к документам начала 1980-х гг. В качестве основного документа называется постановление ЦК Коммунистической партии Украины и Совета Министров УССР «Об организации выполнения в республике Постановления ЦК КПСС от 26 мая 1983 г. и Постановления Коллегии Министерства образования УССР от 29 июня 1983 г. «О дополнительных мерах по усовершенствованию изучения русского языка в общеобразовательных школах, педагогических учебных заведения и дошкольных и внешкольных учреждениях республики». Выдержки из этого документа с помощью замены в его тексте слова «русский» на «украинский» могли бы служить своеобразной отправной точкой для доктринального обоснования постсоветской языковой политики на Украине, обеспечившей поворот от «русификации» к «украинизации». Приспособление бывшего документа на современный лад с тем, чтобы «обеспечить безоговорочное распространение сети школ и классов с углубленным изучением украинского языка и литературы», будет выглядеть таким образом: «Повысить (на 16%) ставки заработной платы учителей подготовительных и начальных классов, которые проводят занятия по украинскому языку, учителей украинского языка и литературы 9–10 (11) классов общеобразовательных школ и школ-интернатов, педагогических училищ с неукраинским языком обучения, расположенных в сельской местности и поселках городского типа»⁴⁹.

Такой подход можно было бы принять в интересах развития украинского языка, если бы приоритетные условия для внешней истории украинского языка не сопровождались нагнетанием ксенофобии в адрес русских и русского языка.

Едва ли не самой трагической сферой, попавшей под каток неоукраинизации, оказалась система школьного образования, особенно при перераспределении школ с русским и украинским языком обучения. Начиная с первых

лет выхода Украины из состава Советского Союза, ее политические руководители с маниакальным упорством стали сокращать число школ с русским и увеличивать с украинским языком обучения. Удельный вес учащихся на украинском языке увеличился с 1991 по 2002 гг. с 45 до 73,8%, а на русском языке сократился за этот же период с 54 до 25,3 %. В отличие от стартового момента начала неоукраинизации в 1991 г., когда доля школьников с русским и украинским языками обучения были примерно равны, а размах вариации между долями составлял всего 9%, через одиннадцать лет соотношение обернулось своей противоположной стороной и размах вариации составил 48,5 % в пользу числа школьников обучающихся на украинском языке, подробнее об этом ниже (см. табл. 8).

Таблица 8

**Динамика неоукраинизации в системе школьного образования
Украины в 1991–2002 гг. ***

Годы	Языки обучения школьников		
	Русский	Украинский	Индексы
1991	54,0	45,0	+9,0
1996	39,2	60,0	-20,8
1997	36,5	62,7	-26,2
1998	34,4	65,0	-30,6
1999	31,8	67,5	-35,7
2000	28,9	70,3	-41,4
2001	26,6	72,5	-45,9
2002	25,3	73,8	-48,5

*Таблица разработана по источнику: В. Колесниченко. Отчет об исполнении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в Украине. [Электронный источник] // <http://www.from-ua.com/politics/e62743796b72a.html>

Однако, как показывают политические события зимы и весны 2014 г., провозглашенное на Майдане и перекинувшееся на Крым и на Юго-Восточные регионы Украины стремление подвести две составные части страны – украинскую и русскую – под единый этнический знаменатель, не увенчалось успехом. Со всей очевидностью актуализировались вопросы укрепления правовой основы русского языка и федерализации Украины в том случае, если политическая элита и большинство населения захочет жить в едином государстве. Немаловажным показателем надвигающегося развала страны можно считать наряду с самосохранением этничности русского населения, а также представителей ряда других национальностей, сохранение и формирование

региональных идентичностей, восходящих к принадлежности к Новороссии во времена Императорской России.

Одним из таких регионов, в котором наряду с сохранением этнической идентичности русских, крымских татар и представителей некоторых других национальностей стал Крым, в котором стало осознаваться наличие территориальной, назовем ее региональной идентичности, самосознание крымчан.

Официальный курс языковой политики, анализ ее правовых основ неоднозначно рассматривался в специальной литературе, в т.ч. в некоторых наших публикациях⁵⁰.

Идеология неоукраинизма в СМИ и художественной литературе

Наряду с конституционными и законодательными актами, которым политическая элита Киева и законодатели пытаются придать демократическо-гуманистический характер, на формирование языковой жизни и этнонационализма немалое влияние оказывают средства массовой информации и некоторые идеологи современного неоукраинизма. Сошлемся на показательные в этом отношении примеры.

Напомним предварительно, что одной из первых законодательных инициатив нового киевского правительства, пришедшего к власти под давлением «революционного» Майдана, явилась попытка отмены положения, придававшего русскому языку статус регионального. Однако не деле, как только усилились волнения против неоукраинизации на Юге и Востоке Украины, в Верховной Раде была создана специальная комиссия по выработке новой концепции закона о языках, в состав которой была включена депутат Верховной Рады, избранная по спискам националистического объединения «Свобода», – И.Д. Фарион, назвавшая 14% граждан Украины, указавших, что их родной язык – русский, «дегенератами». Вероятнее всего, она понимала, что значительная часть украинского населения с родным русским языком – это те самые русские, которые под давлением официальной языковой и этнической политики по украинизации и что они, следовательно, те самые группы населения («москальи»), которым украинские националисты объявили войну. Более того, И.Д. Фарион считает, что «тех, кто не владеет украинским языком, обязательно посадят на полгода», а «русский язык в Украине не может быть ни региональным, ни вторым государственным, а лишь оккупантским»⁵¹.

Вряд ли можно ошибиться, думая, что подобная позиция, высказанная официальным лицом, в чьих руках создание правовой основы функциониро-

вания русского языка в качестве государственного языка Украины, может вызвать одобрение миллионов русских людей. По нашему мнению, именно отказ русскому языку в равноправии способствовал укреплению у крымчан и жителей Юго-Востока не только региональной, но и этнической идентичности.

Еще одно официальное лицо – Т. Черновол, журналистка и общественная активистка, уполномоченный правительства Украины по вопросам антикоррупционной политики с 5 марта 2014 г. прославилась тем, что служила спичрайтером львовского кандидата в депутаты от УНА–УНСО А. Шкиля и сочинила ему текст воззвания. Обращаясь к «братьям и сестрам» господин Шкиль обещал, что «не долго осталось страдать» от «оккупации со стороны Москвы и лиц еврейской национальности». При этом с Украины, согласно концепции А. Шкиля, надо «выбросить прочь» всех, кто будет не согласен с новой политикой, а тех, кто будет оказывать сопротивление, следует «поднять на ножи». Идеалом этого деятеля является лишение русскоязычного населения Украины образования и культуры и разрешить их проживание пределах Украины лишь в статусе рабов у «настоящих хозяев страны»⁵².

Перед тем, как стать премьер-министром Украины, Арсений Яценюк признавал наличие в языковой и кадровой политики Украины курса на «насильственную украинизацию» и даже делал вид, что относится к ней критически⁵³.

Не самую благовидную роль в непринятии русского языка как второго государственного языка на Украине, в формировании антироссийских и антирусских настроений играют некоторые представители художественной культуры: писатели, поэты, театральные деятели, литературные критики. Так, например, в 2010 г. книга О. Забужко «Музей заброшенных вещей» была признана лучшей на Украине и благосклонно принята в Польше и в Германии. Концентрированный смысл семисот страничного романа состоит в том, чтобы с помощью ярких образов показать превосходство украинцев над жителями Юга и Востока Украины. Цитируя перлы украинской романистки, Т. Шабасава в суммарном виде передает основные идеи книги. «Вечно охочие до блестящего дети серых заводских окраин и шахтёрских посёлков» – это портрет русских сограждан О. Забужко. «Цепкие мелитопольские (или мариупольские? не важно!) шалавы. Они бедные, с ничтожными зарплатами, их, в общем, можно пожалеть. Но они приезжают в европейский город Киев и тянут за собой весь свой хамский совок, свою русскую и неправильную украинскую речь...»⁵⁴.

Талант по написанию антирусского романа не мешает украинской противнице русского языка создавать на редкость отталкивающие портреты русского человека и привлекательные характеристики для воинства УПА.

Не будем голословны. Употребляя как синонимы «советское», «русское», «москальский сапог», «москали» украинская романистка, олицетворяющая современный авангард украинской литературы, предлагает следующие портреты литературного героя – русского человека. Это «слитый из рязанских болот Бухалов, татарские скулы, серые глаза, общая водянистая блеклость», это – «лицо с поросычьиными ресницами», это – «простые организмы, низший класс хордовых, которому ведомы лишь первичные инстинкты и который уничтожает все, что не может понять»⁵⁵.

Напротив, в отличие от русских – физически непривлекательных людей, представляющих «какую-то орду», тех самых «безликих», подлинным примером для подражания современной украинской молодежи должны служить воины УПА. Именно они предстают со страниц романа как «бесстрашные рыцари, борцы за Великую Украину... УПА сражались сначала с поляками, потом с Гитлером, потом с Советами – и всегда блестяще. УПА нападала на немецкие эшелоны и освобождала евреев (заметьте – евреи бывают разные: плохие – за Советы, хорошие – за УПА), спасала людей от голода, раздавая им хлеб (при этом, правда, ополченцы УПА сами ходили по деревням и просили еду, но им все и всегда были только рады помочь). И, заметьте, УПА никогда не нападали на мирных граждан. А если кто-то в форме УПА, разговаривающий на местном диалекте, нападал на мирных граждан – так то была не УПА, а подлые советские провокаторы»⁵⁶.

Этносоциология языковой жизни

Этносоциологические исследования, проведенные Институтом этнологии и антропологии РАН в Крыму в 2012–2013 гг., позволили обнаружить и предварительно осмыслить объективные условия и субъективные факторы, содействующие, с одной стороны, сопротивлению крымчан неоукраинизации, а с другой – укреплению их региональной идентичности.

Избегая задавать прямые вопросы о такой деликатной категории, как крымчанин, в опросный лист был введен ряд косвенных пилотажных вопросов о языковой, культурной и повседневной жизни граждан Крыма, об их художественных ориентациях и политических предпочтениях, с тем, чтобы на основе различий в ответах на поставленные вопросы можно было оценить реальную «силу» региональной идентичности в трех группах этнической общности. Рабочая гипотеза состояла в том, что чем более сходными выглядят панорама и характер языковой и повседневной жизни русских, украинцев и крымских татар, а также их политические ориентации и ценности, тем больше

оснований согласиться с реальным существованием региональной идентичности. Речь идет в этом случае о наличии региональной идентичности скорее по факту, чем по ее осознанному осмыслению и категоризации.

Заметим попутно, что излишняя зависимость от итогов анкетного опроса, от жесткой требовательности представительной выборки, от магии статистических распределений вплоть до десятых и сотых долей процента, при неувязке материалов опроса с данными других источников, в т.ч. при недооценке доверительных бесед с информантами и авторитетными экспертами, особенно при слабом учете норм институтов традиционной соционормативной культуры, включая особенности речевого поведения одноязычных и двуязычных носителей языка, а также идей и образов художественной литературы, снижается качество и весомость аргументов и выводов этносоциологического исследования, теряется глубина познания исследуемых явлений.

Обратимся к частично изображенной в предыдущих разделах панораме повседневной жизни в сфере языка и речевого поведения. Разница между русскими и крымскими татарами, поголовно разговаривающими в семье и с родственниками на русском языке, составляла 25,2%, между крымскими татарами и украинцами, употребляющими русский язык на работе, не достигала и 10%, а между русскими (99,7%) и украинцами (94,9%), разговаривающими в общественных местах преимущественно на русском языке, различия колебались в интервале всего 4,8%. Следовательно, общение на русском языке в трех важнейших областях – в домашнем быту, на работе и в сфере общественной жизни выступало важной основой региональной идентичности, т.е. осознания себя крымчанами. Такую же роль, но в гораздо меньших масштабах играл в Крыму украинский язык. Разница между украинцами (40,7%) и крымскими татарами (1,0%), разговаривающими дома с родными и близкими на украинском языке, составляла 39,7 %, между украинцами (33,3%) и крымскими татарами (9,8%), разговаривающими на работе на украинском языке, – 23,5% и, наконец, между украинцами (18,6%) и крымскими татарами (5,8%), разговаривающими на украинском языке в общественных местах, размах вариации был 12,8%.

Минимальные различия в речевом поведении представителей наиболее многочисленных национальностей в трех важнейших сферах жизнедеятельности – дома, на работе и в общественных местах, разговаривающих на русском языке в противовес общению на украинском, свидетельствуют о том, что языковая жизнь населения Крыма не стала успешным полигоном для адептов неукраинизации.

Несколько сложнее и мозаичнее выглядит реальное основание для формирования и функционирования региональной идентичности в работе СМИ

по сравнению с реальной языковой ситуацией в домашней и производственной сферах. Так, например, при прослушивании радиопередач на русском языке разница между русскими (80,7%) и крымскими татарами (46,7%) составляет довольно значительную величину – 34,0%; при чтении газет на русском языке между русскими (87,5%) и крымскими татарами (63,3%) составляет 24,2%; при просмотре телепередач (между русскими (90,6%) и украинцами (77,2%) – указанный показатель снижается до 13,4%, а при использовании интернета в использовании русского языка между русскими и крымскими татарами, разница составляет 7,1%.

О чем говорят приведенные данные? Прежде всего о том, что выбор языка как технического средства коммуникации, в значительной мере определяется реальной языковой ситуацией, например, национальным составом работников того или иного производственного предприятия. В работе СМИ, там где баланс речевого общения зависит не только от реального выбора коммуниканта, но и от баланса «языковой продукции», читатели, слушатели, зрители в определенной мере вольны в своем выборе. Вполне естественно, что работа СМИ, довольно жестко регулируемая Киевом, сокращает объективные возможности для формирования реальной основы для существования региональной идентичности.

В начале второго десятилетия нового тысячелетия в мировой этнополитике и социолингвистике заметно активизировался интерес к реалиям языковой ситуации и языковым предпочтениям населения, в т.ч. на Украине и в Крыму.

Этот интерес был обусловлен главным образом тем, что, во-первых, на Украине сфокусировались геополитические интересы Запада и стратегические интересы России, во-вторых, с форсированными попытками киевских властей, взявших после развала СССР курс на тотальную украинизацию этнодемографической и этноязыковой среды в Южных и Юго-Восточных регионах Украины и в Крыму.

Геостратегическое значение крымского полуострова на северном берегу Черного моря, в южном подбрюшье России метафорически выразил известный писатель и современный политический мыслитель А. Проханов. «Крым, – по его геополитической модели, – как драгоценная перламутровая раковина среди зеленых восхитительных вод. Приложи к ней ухо и услышишь таинственную музыку русской истории. Но это поэтический образ, сквозь который просматривается жесткая схватка континентов, стран, политических систем, идеологических моделей»⁵⁷.

В национальной политике Украины курс на неоукраинизацию был взят в 1992 г., однако попытка строить моноэтническое государство путем

ассимиляции всего неукраинского населения изначально была обречена на неудачу. Эксперты по национальной и языковой политике и просто здравомыслящие люди, конечно, будут помнить, что под давлением Майдана «именно отмена украинского закона, впопыхах осуществленная Верховной Радой, просто подняла на дыбы восточную и южную часть Украины. Стала той искрой, из которой разгорелось пламя крымского самоопределения»⁵⁸. Напомним, что на начало 1938 г., когда в языковой политике Украины наметился поворот от украинизации к политике поддержки русского языка, насчитывались 18 101 школа с украинским языком обучения, 1 550 – русским, 512 – немецким, 312 – еврейским, 163 – молдавским, 54 – болгарским, 50 – польским, 9 – белорусским⁵⁹.

Таблица 9

Численность и удельный вес русского населения в западных и центральных областях Украины в 2001 г.⁶⁰

Области западного региона	Численность (тыс.)		Русское население %
	Всего населения	Русских	
Волынская	1060,7	25,1	2,4
Закарпатская	1258,3	31,0	2,5
Ивано-Франковская	1409,8	24,9	1,8
Львовская	2626,5	92,6	7,1
Ровенская	1173,3	30,1	2,6
Тернопольская	1142,4	14,2	1,2
Черновицкая	922,8	37,9	4,1
Итого	9593,8	255,8	2,7
Области центрально-го региона			
Винницкая	1772,4	67,5	3,8
Житомирская	1389,5	68,9	5,0
Киев	2611,3	337,3	13,1
Киевская	1827,9	109,3	6,0
Кировоградская	1133,1	83,9	7,5
Полтавская	1630,1	117,1	7,2
Сумская	1299,7	121,7	9,4
Хмельницкая	1430,8	50,7	3,6
Черкасская	1402,9	75,6	5,4
Черниговская	1245,3	62,2	5,0
Итого	15743,0	1094,2	7,0

Возгорание пожара антиукраинизации в постсоветский период продолжалось более 20 лет и завершилось уходом Крыма – одного из русскоязычных

регионов Украины в состав России. На рубеже XX и XXI вв. сокращение обучения на русском языке и перевод на украинский язык происходили на Украине беспрецедентными темпами. К 2002 г. в 16 областях Запада и Центра страны осталось всего 26 русских школ, т.е. 0,2%, при суммарной доле русских соответственно 2,7% и 7,0% в западных и центральных областях Украины (см. табл. 9).

В ряде областей, в т.ч. Киевской, Винницкой, Волынской, Ровненский, Ивано-Франковской и Тернопольской к началу нового века не осталось ни одной русской школы, еще в четырех областях (Житомирской, Черниговской, Черкасской и Хмельницкой) сохранилось по одной русской школе, а в самой столице Украины из 452 школ теперь функционирует только 6 школ с русским языком обучения. И только в Крыму большинство школьников продолжали получать образование на русском языке. Представляется, что если процесс украинизации среднего школьного образования будет складываться темпами, указанными в данных табл. 8, через несколько лет среднее образование во всех регионах Украины, кроме Донбасса, Севастополя и Крыма, фактически окажется украинизированным. В это можно поверить, вдумываясь в данные о темпах неоукраинизации, дающих панорамное представление о форсировании украинизации.

В целом по Украине разница между долей школ с украинским и русским языком обучения увеличилась за 6 лет между 1996 и 2002 гг. более чем вдвое. Едва ли не катастрофическими были темпы вытеснения русских школ с русским языком обучения.

В Киеве и в 17 регионах Запада и Центра Украины удельный вес украинских школ по сравнению с русскими заметно возрос: в первом случае разница в их относительной численности увеличилась с 56,0% до 80,0%, во втором – с 77,0% до 93,1%.

Даже в 10 регионах Юго-Востока Украины со значительным числом русского и другого русскоязычного населения, удельный вес школ с русским языком обучения сократился за указанный период с 70,5% до 53,5%, а доля украинских школ возросла с 29,2% до 46,5% (см. табл. 10).

Показателем вышеуказанного повышенного внимания на Украине и к языковой жизни ее граждан, может, в частности, служить социологическое исследование, проведенное сотрудниками одного из самых авторитетных социологических центров США Института Гэллага. Несмотря на некоторую уязвимость методологии и методико-процедурного аппарата, например, отсутствие четкого определения до сих пор неустоявшейся дефиниции «родной язык», можно все же воспользоваться главным результатом, согласно которо-

му немногим более чем каждые четверо из пятерых украинцев первым функциональным языком, языком своей ментальности назвали русский язык⁶².

Таблица 10

Темпы украинизации сферы образования на Украине⁶¹

	Численность школьников с русским и украинским языком обучения (%)		
	1996	1999	2002
	Вся Украина		
Украинский	60,0	67,5	73,8
Русский	39,2	31,8	25,3
Баланс	+20,8	+37,7	+48
Киев			
Украинский	78,0	91,0	95,0
Русский	22,0	9,0	5,0
Баланс	+56,0	+82,0	+90,0
Запад-Центр (17 регионов)			
Украинский	88,0	93,6	96,5
Русский	11,0	5,6	3,4
Баланс	+77,0	+88,0	+93,1
Юго-Восток Украины (10 регионов)			
Украинский	29,2	37,0	46,5
Русский	70,5	63,0	53,5
Баланс	-41,3	-26,0	-7,0

Для самих организаторов опроса и, видимо, для тех, кто заказывал это исследование, результаты оказались неожиданными. Между тем некоторые показатели языковой ситуации на Украине вполне подтверждают востребованность двуязычия и прежде всего русского языка как родного для русского и части нерусского населения, вопреки прессингу, организованному Киевом по форсированному введению украинизации. О реальных запросах двуязычного населения Украины, и прежде всего его русскоязычной части, можно судить по некоторым показателям печатной продукции, которая не всегда навязывается официальной языковой политикой, а скорее является добровольно востребованной различными группами населения. Так, например, по некоторым данным 2/3 суммарного тиража газет, 9/10 журналов, и более 87% книг на полках книжных магазинов изданы на русском языке⁶³.

Не отрицая важности и научно-практической и политической значимости синтетического показателя языковой жизни украинского населения, мы сочли необходимым выявить особенности языковой жизни крымчан в нескольких конкретных сферах: от домашних разговоров до общений на работе.

от использования одного или двух языков при общении с родственниками и друзьями до общений в общественных местах (транспорт, магазин, рынки). Более того, в отличие от вышеупомянутого американского проекта, мы включили в этносоциологический инструментарий вопросы по выявлению реальной востребованности русского языка и некоторых разновидностей двуязычия в связи с культурными запросами и политическими ориентациями крымчан, в т.ч. в сфере печати, радио, телевидения и интернета. Чрезвычайно важным представлялось определение меры несоответствия официальной политики украинизации исторически сложившемуся опыту крымчан в их реальном речевом поведении. С этой целью были разработаны, предварительно опробованы и включены в анкету в соответствии с программой интервьюирования вопросы об отношении к украинскому языку.

В содержательном плане была выдвинута задача по объяснению состояния языковой ситуации в Крыму, необходимо было взвесить факторы, благодаря которым она стала плодом антиукраинизации. С этой целью было предусмотрено изучение одноязычия русского населения Крыма, двуязычия украинского (со вторым русским языком) и трехязычия крымско-татарского (язык своей национальности, русский и украинский языки), в языковой жизни, в т.ч. в речевом поведении крымчан, представляющих три национальности – русских, украинцев и крымских татар.

Анкета этносоциологического исследования состояла из 52 вопросов, которые можно условно разделить на четыре блока. Первый блок был нацелен на выявление языковой компетенции и языкового поведения респондентов, второй – посвящен исследованию влияния институциональных факторов на речевое поведение крымчан, третий – включал вопросы оценки социально-экономического положения, политических и геополитических ориентиров, в четвертом блоке – вопросы о гендерной принадлежности, возрасте, национальности, материальном положении и т.д.

В ходе исследования проанализирована нормативно-правовая база, регулирующая языковые процессы на Украине за двадцатилетний период. Прослежен процесс принятия и механизм действия нового закона Украины «Об основах государственной языковой политики», придающего региональный статус русскому и крымско-татарскому языку в Крыму⁶⁴, а также линии его восприятия в межэтническом и внутриэтническом аспектах.

Проинтервьюированы руководители частных и государственных учреждений (11 чел). Экспертам было предложено оценить современное состояние языковой ситуации на полуострове, в частности, влияние институциональных факторов на языковое поведение и языковую компетенцию населения Крыма.

Этносоциологический опрос в Симферополе и в его окрестностях был проведен в мае 2013 г. среди представителей трех наиболее многочисленных народов Крыма русских, украинцев и крымских татар. Опрос был осуществлен совместно с Таврическим национальным университетом и охватил представителей разных возрастных категорий населения в Симферополе и его пригородах. Общий объем выборочной совокупности составил 547 чел., в т.ч. 326 русских, 118 украинцев и 103 крымских татар. Сравнение параметров выборочной и генеральной совокупности по национальности и половозрастному составу показало, что отклонения не превышают нормы.

Роль образования в украинизации

Большие надежды киевские инициаторы неоукраинизации возлагали на систему школьного образования. Хорошо был известен советский опыт формирования двуязычия, ставший объектом и предметом этносоциологических и социолингвистических исследований. В самом деле, в приобщении нерусского населения СССР к русскому языку и формировании на этой основе национально-русского (татарско-русского, башкирско-русского, чувашско-русского и т.д.) двуязычия самым сильным фактором выступала школьная система⁶⁵.

Официальная статистика показывает успехи украинизации в сфере школьного образования по областям и регионам Украины. Так, например, согласно данным переписи населения Украины 2001 г., во всех регионах Украины с долей русскоязычных граждан свыше одной трети населения, процент учащихся, получающих среднее образование на русском языке, был значительно меньше доли самих русскоязычных граждан. Особенно велика эта разница была в столице Украины, в Харьковской, Одесской, Запорожской и Днепропетровской областях. Исключение составляли Крым и Севастополь, в которых на русском языке получали среднее образование не только русскоязычные граждане, но и представители других национальностей (см. табл. 11)

Несмотря на ряд ограничений русскоязычных граждан Украины в получении среднего и высшего образования, все же шло повышение их образовательного уровня и расширение кругозора.

Решающую роль в подъеме образовательного и культурного уровня русскоязычных жителей Крыма сыграла урбанизация, понимаемая двояко: как рост численности городского населения и как привнесение стандартов городского образа жизни в сельскую среду. Для всех национальностей, проживающих в городах Крыма, характерен высокий уровень образования. Более того,

как показали исследования⁶⁷, высокий уровень образования имели крымско-татарские репатрианты, переселившиеся в Крым из регионов бывшего Советского Союза. Этносоциологический опрос, проведенный Институтом этнологии и антропологии РАН в 2013 г., подтвердил общую направленность выводов В.В. Степанова. Так, например, среди русских и украинцев лица, имеющие незаконченное высшее и высшее образование, составили более половины всех опрошенных. Среди татар этот показатель имел более скромную величину – 46%. В советский период более высокий уровень образования коррелировал не только со знанием русского языка, но и с более качественным его владением, что давало возможность получения более престижных или высокооплачиваемых должностей.

Таблица 11

Доля русскоязычных граждан (по данным переписи 2001 г.) и доля обучающихся на русском языке в среднеобразовательных школах и вузах разной степени аккредитации в 2006/2007 учебном году⁶⁶

Регион*	Доля русскоязычных граждан	Доля учащихся, получающих среднее образование на русском языке	Баланс
Севастополь	90	96	+6
АР Крым	77	92	+25
Донецкая	75	67	-8
Киев	70	3	-67
Луганская	69	61	-8
Запорожская	48	37	-11
Харьковская	44	27	-17
Одесская	42	30	-12
Днепропетровская	32	21	-11
Николаевская	29	11	-18
Херсонская	25	16,5	-8,5

*Регионы Украины расположены по убывающей доле русскоязычных граждан.

В настоящее время данная корреляция не всегда имеет место, т.к. профессиональная подготовка и занимаемая должность зависят не только от уровня образования, но и от некоторых других факторов: от наличия собственности, от коррумпированности чиновников той или иной сферы хозяйства, от наличия нужных связей, места жительства, материального и культурного уровня семьи и т.д.

С некоторыми оговорками можно принимать во внимание итоги опроса, согласно которым среди украинцев (городское население) доля лиц, занятых умственным трудом, несколько превышает половину всех занятых, среди русских – 40%, а среди крымских татар умственным трудом занят немногим менее трети (см. табл. 12)

Таблица 12

Лица занятые умственным или физическим трудом
(по итогам опроса 2013 г., в %)

Национальность	Труд	
	Умственный	Физический
Русские	40,1	59,9
Украинцы	51,0	49,0
Крымские татары	31,3	68,7

Обреченность неоукраинизации в Крыму

Возникает вопрос, почему Крым и Севастополь более чем другие регионы Украины, смогли оказать успешное сопротивление навязываемой неоукраинизации. Как показали этносоциологические исследования, ответ надо искать в истории социально-психологической и языковой жизни крымчан и в их отношении к русскому и украинскому языкам, а также, видимо, в том, что в Крыму политика неоукраинизации проводилась менее жестко – сохранились русские школы, русскоязычные СМИ. Немалую роль играла и региональная идентичность крымчан, которая формировалась как устойчивое осознание себя полуостровными жителями с менталитетом, отличающийся от идентичности в других регионах Украины.

Можно с уверенностью сказать, что в сохранении русского языка в жизни русского и крымскотатарского населения значительную роль играет язык обучения в средней школе. Более чем каждый четвертый из пятерых русских (87,7%) и более чем трое из четверых (77,7%) крымских татар обучались в школе с русским языком обучения (см. табл. 13). Школа наряду с другими факторами формировала убежденность в высокой ценности русского языка и его востребованности в повседневной и официальной жизни.

Отсутствие желания знать украинский язык и видеть его единственным государственным никоим образом не означало неприязни к нему. Такое отношение вытекало из характера языковой ситуации, при которой не было серьезной необходимости в его употреблении. Не случайно 78,5% русских,

71,2% украинцев и 53,4% крымских татар не испытывали необходимости улучшать знание украинского языка (см. табл. 13.).

Таблица 13

**Языки обучения в школе и отношение к украинскому языку
(по итогам этносоциологического опроса, в %)**

Национальность	Обучение в школе проходило на русском языке	Не согласны с утверждением, что все граждане Украины должны владеть украинским языком	Украинский язык не должен быть единственным государственным языком на Украине	Не испытывают необходимости улучшать знания украинского языка
Русские	87,7	50,6	86,5	78,5
Украинцы	34,5	25,0	61,9	71,2
Крымские татары	77,7	35,0	61,8	53,4

В целом жителям Крыма не приходится испытывать особого неудобства из-за недостаточного знания украинского языка. Только 15,4% украинцев, четверть русских и чуть более трети крымских татар указали на обстоятельства, при которых испытывали неудобства. Больше всего (45,5%) респондентов указали на трудности, связанные с «заполнением официальных документов», 16,7 % – отметили затруднения во время «взаимодействия с государственными органами», 9,8% – испытывали некоторые проблемы на работе, 8,3% – «во время учебы», 7,6% – при чтении «инструкций к лекарствам». Основные неудобства из-за недостаточного знания украинского языка крымчане испытывают в результате прямого действия государственной языковой политики. Так, при интервьюировании выяснилось, что крымский татарин, который родился в Крыму еще до массовой депортации, сказал, что столкнулся с большими трудностями на судебном процессе из-за того, что судопроизводство велось на украинском и переводчика он нанять не имел возможности. Большие затруднения испытывают респонденты старшего поколения, многие из них жаловались на то, что не понимают инструкции к лекарствам.

Обреченность тотального курса языковой политики Киева выявила сама история языковой жизни крымчан, сохранивших русскоязычие вместе с языками своей национальности вопреки курсу на неоукраинизацию. Отсутствие уважения к родным языкам и этнической идентичности привели в конечном счете к тому, что Киев потерял русскоязычный Крым.

Таблица 14

**Признаки протестного отношения к политике украинизации
(по итогам этносоциологического опроса 2013 г., в %)**

Национальность	Испытывают неудобства из-за недостаточного знания украинского языка			
	При заполнении документов	При взаимодействии с государственными чиновниками	На работе	При чтении инструкции к лекарствам
Русские	45,7	13,6	11,1	9,9
Украинцы	38,9	22,2	11,1	—
Крымские татары	48,6	20,0	5,7	5,7

«Мы с уважением относимся к представителям всех национальностей, проживающих в Крыму – сказал президент В.В. Путин, обращаясь к членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, представителям республики Крым и Севастополя, – это их общий дом, их малая Родина, и будет правильно, если в Крыму – я знаю, что крымчане это поддерживают, – будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский»⁶⁸.

Короче говоря, те, кто должен был строить свою языковую жизнь и в соответствии с новой Конституцией овладеть государственным языком и использовать его в различных сферах жизнедеятельности, были недостаточно подготовлены и недостаточно предрасположены вести себя таким образом, что конституционная норма Украины приобрела для крымчан скорее номинальное, чем реальное значение.

Русский язык в повседневной жизни крымчан

Почти за четверть века постсоветского периода повседневная жизнь крымчан постоянно по инерции генерировала сохранение русского языка среди русских и национально-русское двуязычие – среди представителей других национальностей Крыма. В этом убеждают итоги нашего исследования. Так, например, все русское население Крыма в сфере семейных отношений поголовно использовало русский язык. Приблизительно сходными были масштабы и частота употребления языка своей национальности русским населением на работе и в общественных местах, включая транспорт, сферы торговли, отдыха и т.д. (см. табл. 15).

Едва ли не общенародное владение русским языком и использование его в масштабах близких к речевому поведению русских демонстрировало большинство живших в Крыму украинцев.

Языковая жизнь крымскотатарского населения в трех сферах – дома, на работе и в общественном быту характеризовалась крымско-татарско-русским двуязычием. А порой и трехязычием. Впрочем, использование крымскими татарами украинского языка (1,0% – дома, 9,8% на работе и 5,8% в общественных местах) резко уступало масштабам крымско-татарско-русского двуязычия (см. табл. 15).

Таблица 15

**На каких языках разговаривали крымчане летом 2013 г.
(по итогам этносоциологического опроса, в %)**

Национальность	В повседневной жизни разговаривают на языках					
	В семье и с родственниками дома		На работе		В общественных местах	
	Русский	Украинский	Русский	Украинский	Русский	Украинский
Русские	100,0	8,3	94,4	19,1	99,7	8,0
Украинцы	95,8	40,7	89,3	33,3	94,9	18,6
Крымские татары	74,8	1,0	98,8	9,8	98,1	5,8

* В таблицу не включены данные об использовании в повседневной жизни других языков.

Наряду с русским и украинским крымские татары в семье и с родственниками используют крымско-татарский язык. Знание крымско-татарским населением русского языка при сохранении языка своей национальности объясняется тем, что 93,0% граждан этой национальности вернулись в Крым из Средней Азии с хорошим знанием русского языка. Немногим более 90% из них указали, что проживают в Крыму после возвращения из депортации более 10 лет⁶⁹.

Общепризнанно, что язык является одним из решающих факторов формирования и сохранения этнической принадлежности. Поэтому в национальной политике властей Украины украинский язык выступает основным локомотивом и катализатором украинизации, долговременный смысл которой в конечном счете сводится к этнической ассимиляции неукраинского населения. Устойчивое русскоязычие на протяжении двух постсоветских десятиле-

тий в языковой ситуации Крыма, в т.ч. в повседневной жизни, не причиняет каких-либо беспокойств и сильных опасений за судьбу этнической идентичности русского населения. Поэтому для без малого каждого третьего русского, согласно их ответам, национальная принадлежность не имеет значения. Только четверть взрослого русского населения указала в ходе опроса, что национальная принадлежность имеет «очень важное» значение.

Крымско-татарское население, считающее Крым своей исконной родиной, в условиях сильной русскоязычной среды испытывает определенный дискомфорт, связанный с беспокойством за состояние своей этнической идентичности. Только 5,2% крымских татар считают, что национальная принадлежность не имеет для них значения. В то же время доля лиц крымско-татарской национальности, считающих национальную принадлежность чрезвычайно важной для себя, составила 67,7%, что более чем вдвое превышает соответствующую долю русских. Что касается украинского населения Крыма, на глазах у которого развертывалась тотальная официальная политика украинизации во всех регионах Украины, то оно не проявляет серьезного опасения за судьбу своей этнической принадлежности. В этом видится коренная причина безразличия 41,4% крымчан-украинцев к своей национальной принадлежности (см. табл. 16). Спокойное и безболезненное отношение к своей этнической идентичности у русских обеспечивается близостью этническим материком – России, у украинцев – национальной политической киевских властей.

Таблица 16

**Интенсивность этнической идентичности
(по итогам этносоциологического опроса, в %)**

Национальность	Насколько важна национальная принадлежность в повседневной жизни		
	Важна		Не имеет значения
	Очень	Не очень	
Русские	24,7	34,3	32,1
Украинцы	21,6	30,6	41,4
Крымские татары	67,7	20,8	5,2

Немаловажную роль в сохранении русскоязычия в языковой ситуации Крыма играют языковые предпочтения крымчан при чтении газет, прослушивании радио, просмотра телевидения и в использовании интернета. Несмотря на беспрецедентные попытки властей ограничить работу средств массовой

информации на русском языке, сама языковая ситуация в Крыму по инерции вот уже на протяжении четверти века предъявляет свои правила.

Более чем каждые четверо из пятерых русских постоянно или часто читают газеты, слушают радио и смотрят телепередачи на русском языке. Около 73% пользуются интернетом на русском языке и не проявляют особых предпочтений украинскому языку (см. табл. 17).

«Представьте себе: – вызывает к творческому воображению известная журналистка Татьяна Шабеева, – вы попали в русский город. Он русский, все вокруг говорят только по-русски – в кафе и на рынке, на улицах и госучреждениях, в магазинах и библиотеках. А между тем всюду вывески почти исключительно на украинском языке (кроме частных предприятий). Вы заходите в магазин – полки заставлены продуктами с надписями на украинском. Вы включаете телевизор, щелкаете кнопками, переключаете каналы, – и всюду вам объясняют, что вы – украинец. И что “в Украине” все равны. Но на украинском. И украинцы. И так – двадцать лет»⁷⁰.

Привлекательность русского языка выявлена в ходе этносоциологического опроса среди представителей украинского и в несколько более скромных масштабах – крымско-татарского населения. В отличие от русских и татар Крыма, не испытывающих потребность в украиноязычных СМИ, 13,6% украинцев предпочитают читать газеты на украинском языке, 12,8% – слушать радио и 15,8% – смотреть телепередачи (см. табл. 17.)

Таблица 17

**Предпочтительное использование русского и украинского языков
СМИ в языковом поведении крымчан***
(по итогам этносоциологического опроса, в %)

Национальность	Использование русского языка			
	При чтении газет	При прослушивании радиопередач	При просмотре телепередач	При использовании интернета
Русские	87,5	80,7	90,6	72,7
Украинцы	77,9	66,7	77,2	69,6
Крымские татары	63,3	46,7	80,0	65,6
Использование украинского языка				
Русские	2,8	3,1	2,5	1,6
Украинцы	13,6	12,8	15,8	0,9
Крымские татары	–	1,1	3,3	–

* В таблицу не включены данные о речевом поведении на других языках, кроме русского и украинского.

Настойчивое внедрение украинского языка при одновременном сокращении функциональной нагрузки русского языка в сфере школьного образования, в работе СМИ, в сфере общественной и политической деятельности, в культуре и повседневной жизни, дает свои плоды. Известную роль в приобщении русского населения к украинскому языку играла этническая среда. Степень приобщения к украинскому языку имела обратно пропорциональную зависимость от доли русских в составе того или иного региона Украины.

Даже без статистических корреляций видно, что наименьшие масштабы русско-украинского двуязычия, если верить методике, ходу и результатам украинской переписи 2001 г., оказались в Севастополе (15,1%) и в Крыму (28,2%) (см. табл. 18). Иная ситуация с масштабами русско-украинского двуязычия в плотной иноэтнической среде, где доля русских не превышала 5%, удельный вес владеющих украинским языком колебался в интервалах от 77,2% (в Львовской области) до 65,5% в Ровенской (см. табл. 18).

Таблица 18

Панорама русско-украинского двуязычия по данным Всеобщей переписи населения Украины 2001 г. (в %)⁷¹

Регионы*	Доля русского населения	Удельный вес русских владеющих украинским языком, кроме родного
г. Севастополь**	71,6	15,1
Автономная республика Крым	58,3	28,2
Луганская	39,0	56,5
Донецкая	38,2	55,4
Харьковская	25,6	66,0
Запорожская	24,7	63,0
Одесская	20,7	59,1
В среднем по 7 регионам	39,7	49,0
Всего по Украине	17,3	54,8

* Регионы расположены по убыванию в них удельного веса русского населения

Некоторые исключения из общего ряда регионов с обратно пропорциональной зависимостью между долей русских в иноэтнической среде и их приобщением к украинскому языку составляет Киев. Здесь относительно высокий удельный вес русских (13,1%) коррелирует с высокой долей русско-украинского двуязычия (71,2%). Это исключение из прямолинейного правила объясняется тем, что в столице Украины с особой «старательностью» и «успехом» осуществляется курс языковой политики на неоукраинизацию.

Сохранение русскоязычной среды в Крыму объясняется востребованностью русского языка местным населением и корреспондирует с высоким уровнем владения русским языком, выступающим не только средством межличностных общений, но и фактором социальной (вертикальной) и горизонтальной мобильности. В ходе этносоциологического обследования 2013 г. выяснилось, что 94,9 % украинцев Крыма думают на русском языке, свободно говорят, читают и пишут. Одновременно 54,2% украинцев в такой же мере владеют языком своей национальности. Высоким уровнем двуязычия со вторым русским языком отличается и крымско-татарское население Крыма: 91,3% совершенно свободно владеют русским языком (говорят, читают, пишут), а еще 71,8% в такой же высокой степени владеют крымско-татарским языком. Следовательно, по сравнению с русскими, с половиной двуязычных украинцев, свободно владеющих вторым русским языком, 71,8% крымских татар, свободно владеющих русским языком, двуязычны. Добавим, что более четверти граждан этой национальности наряду со свободным владением украинским языком (9,8 %) и умением читать и говорить на украинском языке (17,6%) являются носителями трехязычия.

С сохранением русскоязычия в языковой среде Крыма в известной мере корреспондирует ряд факторов, в т.ч. наличие контактов с Россией, ощущение своей близости с ее историей и литературой, наличие в России родственников и друзей, общие черты в культуре и в манерах поведения, а также тесные связи с регионами юго-восточной Украины, немалая часть населения которых ориентирована на русский язык и культуру.

Наиболее интенсивные контакты с Россией, как со своим этническим материком, имеют представители русской национальности. Почти каждые двое из троих русских бывали в России, в т.ч. каждые четверо из пяти посещали Россию более одного раза. Украинцы и крымские татары тоже бывали в России, но ощущения близости с Россией у них слабее, чем у русских, в отличие от русских, среди которых 77,5%, чувствуют близость с Россией, только половина украинцев и без малого четверть крымских татар ощущают общую близость с Россией. Видимо, в психологическом восприятии близости с Россией у крымских татар до сих пор «срабатывает» синдром исторической обиды за причиненную им несправедливость. Среди крымско-татарского населения Крыма в два раз меньше по сравнению с русскими тех, кто испытывал близость с Россией благодаря общей культуре, наличию родственников в России, а также благодаря общей истории и манерам поведения (см. табл. 19).

Таблица 19

**Историко-культурные связи с Россией
(по итогам этносоциологического опроса, в %)**

Национальность	Бывали в России больше, чем один раз	Чувствуют близость с Россией	Чувство близости с Россией проявляется		
			В общности языка	Общая культура, родственники	Общая история, манера поведения
Русские	79,6	77,5	16,8	26,2	14,0
Украинцы	73,9	51,7	12,2	37,8	9,8
Крымские татары	71,1	23,2	19,5	14,6	7,3

В целом языковую ситуацию в Крыму накануне его перехода в состав России можно охарактеризовать как спокойную, с доминированием русского языка во всех сферах жизни, причем большинство населения знает и пользуется русским языком как языком повседневного межличностного общения. Наряду с русским населением, русский язык считают родным большинство украинцев и десятая часть крымских татар. Исследование языковой жизни крымчан дает основание для вывода о провале стратегии киевских властей по неоукраинизации и попыткам превращения Украины в моноэтническую страну с единственным государственным языком. Таким образом «Русский мир» в Крыму выходит за пределы одной этнической группы. Русский язык использует абсолютное большинство населения, чуть менее двух третей испытывают чувства близости с Россией и три четверти крымчан выступают за придание русскому языку статуса государственного. Однако такое стремление сталкивалось с упорным нежеланием определенной части властной элиты Украины узаконить статус языка, который является повсеместным во всех сферах общества Крыма. Российское руководство не имело морального права оставлять на произвол судьбы значительную часть своих соотечественников, людей, которые волею судьбы оказались за пределами России. В ходе этносоциологических исследований 2012–2013 гг. была выявлена острая необходимость наращивания социально-культурного сотрудничества двух стран, увеличения квот нашим соотечественникам на поступление в вузы, упрощения миграционного и трудового законодательства.

Межэтнический раскол Украины

Ранней весной 2014 г. на Майдане наглядно проявил себя межэтнический раскол Украины. Он выразился в ориентациях западных регионов стра-

ны на Европейский Союз. В то время как Восточные и Юго-Восточные регионы отдали предпочтение вхождению в Таможенный Союз. Реальность назревающего раскола с обширными человеческими жертвами достигла трагической точки противостояния сторон в Одессе. В известной мере он был спровоцирован в связи с выходом Крыма из Украины и вхождением в состав Российской Федерации. Межкультурная основа раскола, переросла в этнополитический конфликт, ставший прямым следствием перерождения традиционной политики украинизации, придуманной в 1920-е г. большевиками, в новую украинизацию, взятую на вооружение сменявшими друг друга этнократическими элитами, захватившими власть на Украине после развала Советского Союза. Согласимся называть ее неоукраинизацией. Государственный проект украинского нациестроительства, реализуемый в последние два с лишним десятилетия на рубеже тысячелетий, отвергает федерализм и двуязычие, как основу межэтнической солидарности и стабильности языковой ситуации.

В чем смысл яростного сопротивления киевской политической элиты и поддерживающих ее спонсоров оптимизации межэтнических отношений путем федерализации Украины? Почему так яростно отвергалась политика официального двуязычия на основе придания русскому языку статуса второго государственного языка Украины?

Первый период противостояния между Киевом, поддерживаемым населением центральных и западных областей, с одной стороны, и восточными и юго-восточными областями, – с другой, (с марта по май 2014 г.), был наполнен нарастающей эскалацией столкновений с трагическим исходом и человеческими жертвами.

Между тем, этнополитический опыт ряда стран показывает, что немаловажной задачей федерализации и двуязычия по установлению стабильной этнополитической ситуации, не страдающей хронической турбулентностью, является создание правовой и социокультурной основы доверия, в т.ч. между представителями различных социальных групп и национальностей. Еще на заре существования советского федерализма большевики это хорошо понимали. Не сомневаясь, они записали в решениях X Съезда РКП (б): «... но федерация может быть прочной, а результаты федерации – действительными лишь в том случае, если она опирается на взаимное доверие и добровольное согласие, входящих в нее стран»⁷².

Полученные данные по итогам наших этносоциологических опросов более чем красноречивы. Всего за год или за два до отказа Киева подписать бумаги о вступлении в Евросоюз, приверженцами этого внешнеполитического

курса в Крыму выступали едва ли не каждый третий крымский татарин и, соответственно, каждый пятый украинец и русский. Еще сильнее межэтнические расхождения в ориентациях крымчан на Запад или на Восток вызвал вопрос о вступлении в Таможенный Союз. За этот пророссийский путь развития проголосовали более половины крымчан русской национальности, почти каждый пятый украинец и всего лишь 7,1 % крымских татар.

Даже в Крыму, население которого на всенародном референдуме 16 марта 2014 г. единодушно (96,8%) проголосовало за включение Крыма в состав России мало кто ожидал такие беспрецедентные результаты.

Понятно, что неприятие Таможенного Союза и преимущественная ориентация крымских татар на Европейский Союз была обусловлена незаживающей травмой, нанесенной советским руководством в ходе насильственной депортации. Межпоколенная и кросспоколенная ретрансляция исторической памяти не позволяет и части молодежи крымских татар освободиться от чувства старых национальных обид. Практическое выражение этих пережитков, проявилась в ходе этносоциологических опросов, показавших, что удельный вес сторонников евроинтеграции среди крымских татар более чем в четыре раза больше, чем сторонников Таможенного союза.

Напомним, что почти каждые двое из трех (60%) крымских татар, практически полностью владеющих русским языком, летом 2013 г. не испытывали чувства близости с Россией. Среди крымчан русской и украинской национальности отсутствие подобного чувства имело место соответственно среди всего лишь 14,5% и 34,7%. Более 77,5% русских и 51,7% украинцев тяготели к России и чувствовали близость с ней. Не исключено, что часть русских Крыма к тому времени, за более чем двадцатилетний период неоукраинизации, стали формально идентифицировать себя с украинцами, перестав именовать себя русскими. Российскому руководству, давшему согласие на прием Крыма в состав России, придется столкнуться с определенной национальной отчужденностью и настороженностью крымских татар, с желанием их политических лидеров добиваться не только этнокультурной и языковой, но и территориальной автономизации. И потребуются серьезные усилия по политической, этнокультурной, материальной и психологической реабилитации после их возвращения вместе с остальными крымчанами в состав Российской Федерации.

Неслучайно буквально «с колес» Президент России В.В. Путин поспешил объявить о трёхязычном характере языковой ситуации в Крыму, что, безусловно, одновременно предусматривает и решение кадрового вопроса, т.е. открытого доступа представителей крымско-татарской национальности в региональную политическую элиту Крыма.

Исследовательские проекты, в задачу которых входила характеристика языковой ситуации на Украине и в Крыму, неизбежно вызывают необходимость считаться с наличием ее этнически гетерогенного населения. При этом стратегия нациестроительства, как уже упоминалось, должна исходить из исторически сложившейся судьбы регионов Украины, которые в разное время пребывали в составе различных империй: Австро-Венгерской, Османской, Российской, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой. Современный этнокультурный облик населения этих регионов, в т.ч. населения Крыма, в немалой мере определяется историко-культурным достоянием различных групп населения и оказывает влияние на характер этнополитической и этноязыковой жизни.

Со времени «языковой революции», случившейся в СССР на рубеже 1980–1990-х гг., когда в ряде бывших советских республик были приняты законы о придании языкам титульных наций статуса государственных языков, язык стал важным символом нациестроительства на исходе XX в.⁷³

В ходе исследовательского проекта, реализуемого Украинским Центром экономических и политических исследований им. Александра Разумкова, было выделено несколько категорий граждан Украины, по соотношению их этнической и языковой идентичности, в т.ч.:

1. «Украинцы» – «граждане Украины, украинцы по национальности, для которых родным языком является украинский, относящие себя к украинской культурной традиции и использующие украинский язык в повседневном общении»;
2. «Русские» – «граждане Украины, русские по национальности, для которых родным языком является русский и которые относят себя к российской культурной традиции и используют русский язык в повседневном общении» (численность такой категории по данным переписи 2001 г. более 17% или 8,3 млн. чел.);
3. «Русскоязычные украинцы» – те, кто считает себя украинцами по национальности, русский язык считают родным;
4. «Двуязычные украинцы» – украинской национальности с родным украинским языком, владеющие и русским языком;
5. «Двуязычные украинокультурные украинцы» – те, кто декларирует украинскую национальность, принадлежность к украинской культурной традиции, считают украинский язык родным, но владеют и русским⁷⁴

В этносоциологическом исследовании языковой жизни крымчан, проведенном ИЭА РАН, наряду с задачами по выявлению факторов формирования

и развития различных типов двуязычия была поставлена задача определения того, как те или иные языковые характеристики соотносятся с региональной идентичностью. Опираясь на данные о языковых предпочтениях взрослого населения Крыма были выделены 18 таксонов по 6 таксонов для представителей русской, украинской и крымско-татарской национальности. Каждый языковой таксон строился по принципу позитивного, лояльного или негативного отношения человека к определенным высказываниям относительно реальной языковой жизни и доктринальных основах неоукраинизации, осуществляемой государственной языковой политикой. При составлении программы этносоциологического исследования мы исходили из того, что у каждого человека предпочтение языков и языковой жизни не совпадает и зависит от того, идет ли речь о добровольном использовании языка (или языков) или вынужденном употреблении государственного языка. Замеры соответствующих установок полностью подтвердили нашу гипотезу. Опрос показал, что без давления языкового закона, обязывающего граждан Украины владеть единственным государственным языком, представители всех национальностей Крыма разделились на три группы: согласных и не согласных с тем, чтобы все граждане Украины владели украинским языком и тех, кто затруднился определить свою позицию. При этом среди русских индекс лояльности этой идее (соотношение удельного веса согласных к доле несогласных) оказался отрицательным, т.е. меньше единицы и составил 0,87. Среди украинцев он составил положительную величину – 2,54. Больше всех испытывали затруднения определить свою позицию крымские татары, распределившиеся на три группы. При этом позитивный индекс лояльности составил 1,22.

Законодательное закрепление украинского языка в качестве единственного государственного вызвало негативное отношение русских Крыма, и вызвал едва ли не поголовный протест. Индекс несогласия составил 8,83 единиц, даже среди украинского и крымско-татарского населения доли несогласных преобладали над теми, кто выражал согласие с тем, чтобы украинский язык был установлен единственным государственным языком на Украине: соответствующие индексы составляли 2,35 и 3,7 единиц.

С очевидным неприятием украинского языка в качестве единственного государственного вполне логично корреспондируют языковые установки граждан Крыма в отношении русского языка. Едва ли не поголовно используя язык в сфере домашних, производственных и прочих коммуникаций, представители русской национальности, естественно, хотят, чтобы в их языковой жизни была установлена надежная правовая основа, в качестве которой едва ли не все русские хотели, чтобы русскому языку на Украине был придан ста-

тус второго государственного языка. Следовательно, не приходится удивляться, что индекс поддержки этой установки составил 19,86 единиц. В то время как среди украинцев и крымских татар всего лишь по 2,2 единицы (см. табл. 20).

Таблица 20

**Внутрирегиональные группы крымчан,
согласных и несогласных с курсом неукраинизации
(по итогам этносоциологического опроса, в %)**

Националь- ности	Все граждане Украины должны владеть укра- инским языком		Украинский язык дол- жен быть единствен- ным государственным языком Украины		Русский язык должен быть вторым государ- ственным языком на всей территории Ук- раины	
	Согласны	Не со- гласны	Согласны	Не со- гласны	Согласны	Не со- гласны
Русские	44,2	50,6	9,8	86,5	91,4	4,6
Украинцы	63,4	25,0	26,3	61,9	61,9	28,0
Крымские татары	42,7	35,0	16,7	61,8	44,7	20,3

Не выдвигая перед собой специальной задачи дать полный социокультурный портрет двух групп крымчан – лояльных и протестных к парадигме «все граждане Украины должны владеть украинским языком», остановимся вкратце на некоторых социокультурных ценностях, которые, как выяснилось, связаны с языковыми предпочтениями. Как и следовало ожидать, обе группы русских Крыма «испытывают чувства близости» к России, однако среди тех, кто против того, что «все граждане Украины должны владеть украинским языком», удельный вес позитивных ощущений к России выше, чем среди русских с лояльным отношением к украинскому языку «для всех». Индекс близости к России у них составляет 11,29, в то время как среди противников всеобщей украинизации индекс в 2,5 раза выше. Аналогичным образом форма отношения к украинскому языку коррелирует с ощущением близости к России и среди украинского населения Крыма с позитивным и негативным отношением к украинскому языку. Среди лояльных он составляет 1,32, среди нелояльных – 1,38 (см. табл. 21).

Региональная идентичность, т.е. принадлежность к обитателям Крыма, в известной мере объединяет обе совокупности крымчан: и тех, кто согласен с тем, что «все граждане Украины должны владеть украинским языком», и тех, кто не согласен с этой нормой. В составе первых, т.е. лояльных к современным требованиям неукраинизации, женщин больше, чем мужчин, молодежи

Таблица 21

**Испытывают чувство близости к России
(по итогам этносоциологического опроса, в %)**

Националь- ности	Да		Нет	
	Лояльные	Протестные	Лояльные	Протестные
Русские	68,1	87,9	24,3	7,3
Украинцы	49,3	65,4	42,5	30,8

Таблица 22

**Этнодемографический и социокультурный состав лояльной
и протестной группы русского населения Крыма
(по итогам этносоциологического опроса 2013 г., в %)**

Русские группы крымчан	Пол		Возраст			Длитель- ность про- живания в Крыму		Образова- ние		Занятие		Социально- профессио- нальный со- став	
	м	ж	18– 29	30– 49	50 и стар- ше	до 10 лет	бо- лее 10 лет	сред- нее	выс- шее	ра- бо- та- ют	учат- ся	Заняты умственным трудом	Заняты физическим трудом
Лояльные	38,9	61,1	33,3	29,9	36,8	7,0	89,6	36,8	41,0	40,3	22,2	15,3	16,0
Протест- ные	47,9	52,1	13,9	38,8	47,3	7,2	91,5	43,6	41,2	49,1	9,7	13,9	23,6

Таблица 23

**Этнодемографический и социокультурный состав лояльной
и протестной группы украинского населения Крыма
(по итогам этносоциологического опроса 2013 г., в %)**

Украинские группы крымчан	Пол		Возраст			Длитель- ность про- живания в Крыму		Образова- ние		Занятие		Социально- профессио- нальный со- став	
	м	ж	18– 29	30– 49	50 и стар- ше	До 10 лет	Бо- лее 10 лет	Сред- нее	Выс- шее	Рабо- тают	Учат- ся	Заняты умст- венным тру- дом	Заняты физи- ческим трудом
Лояль- ные	46,6	53,4	28,8	37,0	34,2	21,2	74,0	35,6	46,6	45,2	13,7	16,4	21,9
Протест- ные	53,8	46,2	19,2	38,6	42,3	3,8	96,2	46,1	42,3	53,8	11,5	23,1	23,1

и стариков больше, чем лиц среднего возраста, постоянных жителей, проживших в Крыму более 10 лет, практически всю свою жизнь, больше чем приехавших менее 2, 2–5, 5–9 лет, с высшим образованием больше, чем со средним, работающих больше, чем учащихся, занятых умственным и физическим трудом примерно одинаково (см. табл. 22).

Среди русских, несогласных с тем, чтобы украинским языком владели все граждане Украины, как и в первой группе, доля несогласных мужчин больше доли женщин, но в протестной группе мужчин больше, чем в лояльной (48% против 39%), а удельный вес пожилых и лиц среднего возраста больше, чем среди молодежи в лояльной группе (47% против 37%).

Продолжительность проживания в Крыму у представителей каждой группы примерно одинаковая и как фактор не находится в числе причин, определяющих состояние установки на язык, которым должны владеть все граждане Украины. Обе группы не согласные с вызовами неоукраинизации, обладают примерно одинаковым уровнем образования, хотя в протестной группе доля лиц со средним образованием несколько выше, чем с высшим. Среди несогласных с нормой тотального владения украинским языком доля лиц, имеющих работу, в пять раз выше доли учащихся и, наконец, в протестной группе, по сравнению с лояльной, преобладают почти в 1,7 раз лица, занятые физическим трудом по сравнению с лицами умственного труда (см. табл. 22, 23).

Вместо заключения

Добровольный переход русскоязычного Крыма в состав России стал следствием и причиной политического хаоса и кризиса киевской олигархической элиты, вдохновляющим примером для самопровозглашения Донецкой и Луганской республик, опытным полем по сохранению русскоязычия в Юго-Восточных областях и в Одессе. Языковая жизнь крымчан подпитывала надежды и доверие крымчан к России, как к этническому материку, служила фактором блокирования общеукраинской консолидации в рамках этнократического государства. Создается впечатление, что без официального двуязычия и федерализма многорегиональную Украину вряд ли будет ожидать целостность, гармонизация и оптимизация межэтнических и межрегиональных отношений.

Состояние этноязыковой ситуации в Крыму с традиционным преобладанием русского языка в повседневной жизни и в официальной сфере при одновременных усилиях принудительного внедрения государственного языка создавало у крымчан состояние унижения их национального достоинства и

пренебрежения их региональной идентичностью, в то время как они ощущали себя полуостровными жителями особого региона многорегиональной Украины. Языковая жизнь крымчан является типологически сходной с этноязыковыми процессами в регионах России, где русский язык к концу прошлого века стал национальным достоянием всех народов России. Политика официального Киева, избравшего русофобию и категорическое неприятие официального двуязычия с русским языком как вторым государственным, вместе с жестким сопротивлением элиты федерализации становится едва ли не важнейшей национальной идеей в ходе нациестроительства при создании этнократического государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://lenta.ru/news/2014/05/28/notreal/>

² obkom.com/russia/interview/grach-rossia-materik.htm

³ Губогло М.Н. Двуязычие как национальное достояние // Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Т. 9: Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.: Ижевск, 2006. С. 572–638; *его же*. Русский язык – национальное достояние народов России // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Междунар. науч. конф. Москва 22–23 октября 2007. М., 2007. С. 48–58; Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. 649 с.

⁴ Королев Г.А. Украинские политические идентичности в контексте нациестроительства: от партикуля-

ризма к соборности // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М., 2013. С. 314–327.

⁵ Попов Э., Кожин Ю. О русском движении Крыма // www.fondsk.ru/article.php?id=129; Сеница Д. К России – с любовью. Кризис «русской идеи» в Крыму: причины и следствия // Альманах «Остров Крым» // www.ok.archipelag.ru/part1/k'rossii.htm; Мальгин А.В. Русский Крым в посторанжевой Украине: новые реалии – старые проблемы // Вопросы развития Крыма. Симферополь, 2012. С. 333–343.

⁶ www.ruscrimea.ru/rok/zatulin.php

⁷ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 443.

⁸ Там же. С. 399–466.

- ⁹ Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Т. 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.; Ижевск, 2006. С.216–253.
- ¹⁰ Абсаликова Ф.Ш. Народные игры. К истории этнокультурных связей народов Волго-Уральского региона // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 174.
- ¹¹ Вайнберг Б.И. Ранний этап тюркизации населения на востоке Средне-Азиатского региона // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 179.
- ¹² Ведерникова Т.И. Этнокультурная специфика населения Самарского края в XIX–XX вв. // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 179–180. Смольников С.Н. Антропология Устюжского края XVII века как источник по истории заселения // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 191–192.
- ¹³ Разумейченко О.А. Региональные особенности организации декора в татарской народной одежде // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 190.
- ¹⁴ Амелин В.В. Этнический фактор в национальной политике регионов России // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 167–168; Мосейко А.Н. Этнические мифы в региональной политике // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 171–172; Сапрохина Г.И. Региональная политика центра в преддверии выборов в Российской Федерации // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 172.
- ¹⁵ Асадулаев Н.К. Регионализм и национальная целостность // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 168; Ильин И.Е. Региональная социология и межэтническое общение сельских жителей Чувашии // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 169–170.
- ¹⁶ Следзевский И.В. Этнорегионализм в России как культурно-ментальная модель постсоветской действительности и политики // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 172–173.
- ¹⁷ Мартынова М.Ю. Югославский федерализм. Прошлое и настоящее // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 171; *её же*. Этнический фактор в Косовском конфликте // Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А Тишков, В.А Шнирельман. М., 2012. С. 378–417.
- ¹⁸ Губогло М.Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 110–124; там же. № 6. С. 137–144; Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000; Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014.

- ¹⁹ Кузнецов И.М. Особенности этнорегиональной экономической активности // Гражданская, этническая и региональная идентичности: вчера, сегодня, завтра. М., 2013. С. 274–283.
- ²⁰ Пономарев А.П. Историко-этнографическое районирование // Украинцы / Отв. ред. Н.С. Полищук, А.П. Пономарев. М., 2000. С. 31.
- ²¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 400.
- ²² Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 410.
- ²³ Пономарев А.П. Историко-этнографическое районирование. С. 27–41.
- ²⁴ <http://www.history.org.ua/?literaask>About=region>; Цит. по: Королев Г.А. Украинские политические идентичности в контексте нациестроительства: от партикуляризма к соборности // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М., 2013. С. 326.
- ²⁵ Краткий перечень библиографии см.: Королев Г.А. Украинские политические идентичности в контексте нациестроительства: от партикуляризма к соборности // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М., 2013. С. 325–327.
- ²⁶ Пономарев А.П. Историко-этнографическое районирование. С. 28.
- ²⁷ Королев Г.А. Украинские политические идентичности.... С. 314, 327.
- ²⁸ Воронаева Т.С. Мовнаїдентичність та національна самосвідомість громадян України // Календарь-щорічник «Українознавство. 2003. К., 2002. С. 128–133; *ее же*. Специфика самоидентификации этнических украинцев и русских в Украине: социально-психологические аспекты // Личность в межкультурном пространстве. Ч. 1. 2008. С. 23–28; *ее же*. Самоидентификация украинцев и русских на юге России и Украины: комплексный анализ // Юг России и Украины в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 2009. С. 193–196; *ее же*. Влияние Чемпионата Европы по футболу 2012 г. на трансформацию национальной идентичности граждан Украины // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М., 2013. С. 289–303.
- ²⁹ Воронаева Т.С. Влияние Чемпионата Европы по футболу... С. 289–290, 292.
- ³⁰ Там же. С. 290.
- ³¹ Там же. С. 295.
- ³² Там же. С. 297–298.
- ³³ Там же. С. 298.
- ³⁴ Бекирова Г. Крым без татар // Московский комсомолец. 2014. 17 мая.
- ³⁵ Постановление ГКО № 5859-сс от 11 мая 1944 года Москва, Кремль // <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/440511.htm>
- ³⁶ См., напр.: Белодед И.К. Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе. М., 1972; Тадевосян Э.В. Проблемы советской историографии национально-государственного строительства в СССР // Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979. С. 100–125.
- ³⁷ Борисёнок Е. Украинизация как она была // Литературная газета. 2014. 17–18 марта. С. 11.

- ³⁸ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970) / Под общ. ред. П.Н. Федосеева, К.У. Черненко / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 2. М.: Политиздат, 1970. С. 125. (Далее: КПСС в резолюциях...).
- ³⁹ Там же. С. 124–125.
- ⁴⁰ Там же. С. 255.
- ⁴¹ Там же. С. 441.
- ⁴² Там же. С. 456.
- ⁴³ Там же. С. 468.
- ⁴⁴ Там же. С. 493.
- ⁴⁵ Борисёнок Е. Украинизация как она была // Литературная газета. 2014. 17–18 марта. С. 11.
- ⁴⁶ Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014. С. 88–101.
- ⁴⁷ Старченко Р.А. Положение русского языка в Крыму // Вестник российской нации. 2013. № 6. С. 130–145; его же. Языковая политика и этническая идентичность в Крыму // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. ИЭА РАН. 2013. С. 313–321.
- ⁴⁸ <http://oleg-leusenko.livejournal.com/116679.html>
- ⁴⁹ <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/snova-o-nashem-yazyke>
- ⁵⁰ Старченко Р.А. Языковая политика и этническая идентичность в Крыму. С. 313–321; его же. Положение русского языка в Крыму // Вестник российской нации. 2013. № 6. С. 130–145.
- ⁵¹ Баранов А. Украина крайностей. Что мы не знали о новой киевской власти // Московский Комсомолец. 2014. 17 марта.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Шабаяева Т. Под москальским сапогом / рец. на роман Оксаны Забужко «Музей заброшенных секретов» // Литературная газета. 2014. №25. 25 июня – 2 июля.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Проханов А. На главном направлении // Известия. 2014. 17 марта.
- ⁵⁸ Швыдкой М. Мультикультурализм: угроза или залог стабильности // Российская газета. 2014. 19 марта.
- ⁵⁹ Борисёнок Е. Украинизация как она была // Литературная газета. 2014. 17–18 марта.
- ⁶⁰ Таблица 9 разработана, исчисления произведены по источникам: Тархов С.А. Изменение численности населения регионов Украины // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность: Сб. докладов / Под ред. В.А. Шупера. М., 2004. С. 144–164 // www.demoscope.ru/weekly/2004/0173analit05.php; www.nationaltravel.com.ua/oblasti/browse_territory/
- ⁶¹ Таблица 10 разработана по источнику: В. Колесниченко. Отчет об исполнении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств на Украине. [Электронный источник] // <http://www.from-ua.com/politics/e62743796b72a.html>
- ⁶² RussianLanguageEnjoyingaBoostin-Post-SovietStates. <http://www.gallup.com/poll/109228/Russian-Language-Enjoying-Boost-PostSoviet-States.aspx>
- ⁶³ Филатов А. Русский язык на Украине: официальный статус и востребованность // Институт Русского зарубежья. Портал «Россия и со-

- отечественники» / Интернет-сайт «Russkie.org». 27.02.12; <http://www.russkie.org/index.php.module=fullitem.sid=25012>
- ⁶⁴ По итогам этносоциологического опроса и на основе анализа основных законов по языковой политике изданы статьи о доктринальной основе и реализации языковой политики на примере Крыма: *Старченко Р.А.* Положение русского языка в Крыму // Вестник российской нации. 2013. № 6. С. 130–145; *Старченко Р.А.* Языковая политика и этническая идентичность в Крыму // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. М., ИЭА РАН. 2013. С. 313–321.
- ⁶⁵ *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1984. С. 134–153.
- ⁶⁶ Таблица 11 разработана по источнику: *Колесниченко В.* Отчет об исполнении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств на Украине. [Электронный источник] // <http://www.from-ua.com/politics/e62743796b72a.html>
- ⁶⁷ *Степанов В.В.* Крым и крымские татары: историческая демография и современная этнополитическая ситуация // Тюркские народы Крыма. М., 2003. С. 330–357.
- ⁶⁸ Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества 18 марта 2014 г. // <http://www.kremlin.ru/news/20603#sel=1:8,1:19>
- ⁶⁹ *Губогло М.Н., Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение / Том IV: *Червонная С.М.* Возвращение крымскотатарского народа: проблема этнокультурного возрождения. М., 1997. С. 230–257.
- ⁷⁰ *Шабаетова Т.* Под москальским сапогом: рец. на роман Оксаны Забужко «Музей заброшенных секретов» // Литературная газета. 2014. 25 июня – 2 июля.
- ⁷¹ Таблица 18 разработана по данным Всеобщей переписи населения Украины 2001 г. // <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/>
- ⁷² КПСС в резолюциях Т. 2. 1970. С. 251.
- ⁷³ *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М., 1998.
- ⁷⁴ *Миллер А.И.* Государство и нация в Украине после 2004 г.: Анализ и попытка прогноза // Политическая наука. 2008. № 3. С. 109–124.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абсаликова Ф.Ш. Народные игры, к истории этнокультурных связей народов Волго-Уральского региона // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 174.
2. Абсаликова Ф.Ш. Народные игры, к истории этнокультурных связей народов Волго-Уральского региона // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 174.
3. Амелин В.В. Этнический фактор в национальной политике регионов России // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 167–168.
4. Асадулаев Н.К. Регионализм и национальная целостность // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 168.
5. Білодід І.К. Ленінська теорія національно-мовного будівництва в соціалістичному суспільстві. Київ, 1969.
6. Бекирова Г. Крым без татар // Московский комсомолец. 2014. 17 мая.
7. Белодед И.К. Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе. М. 1972.
8. Борисенко Б. Украинизация как она была // Литературная газета. 2014. 17–18 марта. С. 11.
9. Вайнберг Б.И. Ранний этап тюркизации населения на востоке Средне-Азиатского региона // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 179.
10. Васютинский В.А. Выбор украинскими студентами языка общения как индикатор трансформации этнической идентичности // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М., 2013. С. 263–288.
11. Ведерникова Т.И. Этнокультурная специфика населения Самарского края в XIX–XX вв. // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 179–180.
12. Возвращение крымско-татарского народа: проблемы этнокультурного возрождения // Крымско-татарское национальное движение. Т. 4. М. 1997. 342 с.
13. Воропаева Т.С. Влияние Чемпионата Европы по футболу 2012 г. на трансформацию национальной идентичности граждан Украины // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М. 2013. С. 289–303.
14. Воропаева Т.С. Мовнаїдентичність та національна самосвідомість громадян України // Календарь-щорічник «Українознавство». 2003. К., 2002. С. 128–133.
15. Воропаева Т.С. Самоидентификация украинцев и русских на юге России и Украины: комплексный анализ // Юг России и Украины в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород. 2009. С. 193–196.

16. Воронаева Т.С. Специфика самоидентификации этнических украинцев и русских в Украине: социально-психологические аспекты // *Личность в межкультурном пространстве*. Ч. 1. 2008. С. 23–28.
17. Гордяненко В.Г. Языковая ситуация на Украине // *Социологические исследования*. 1996. № 9. С. 107–113.
18. Губогло М.Н. Двухязычие как национальное достояние // *Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии*. Т. 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.-Ижевск, 2006. С. 572–638.
19. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М. 2003. 765 с.
20. Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М. 2000. 512 с.
21. Губогло М.Н. Русский язык – национальное достояние народов России // *Русский язык в странах СНГ и Балтии*. Международная научная конференция. Москва 22–23 октября 2007. М. 2007. С. 48–58.
22. Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М. 1984. 288 с.
23. Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014. 214 с.
24. Губогло М.Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 5. С. 110–124; № 6. С. 137–144.
25. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. 816 с.
26. Губогло М.Н., Сафин В.Г. Принудительный лингвизм. Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е гг. М., 2000. 316 с.
27. Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Т. 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.-Ижевск. 2006. 720 с.
28. Губогло М.Н., Тишков В.А. Развитие народов России. Симбиоз патернализма и этническая мобилизация // *Патернализм и этническая мобилизация в развитии народов России*. М., 1998. С. 153–168.
29. Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымско-татарское национальное движение. Т. 1. История. Проблемы. Перспективы. М., 1992. 331 с.
30. Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымско-татарское национальное движение. Т. 2. Документы. Материалы. Хроника. М., 1992. 340 с.
31. Зорин В.Ю. Заметки политолога. Н.Новгород, 2013. 80 с.
32. Ильин И.Е. Региональная социология и межэтническое общение сельских жителей Чувашии // *III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов*. М. 1999. С. 169–170.
33. Королев Г.А. Украинские политические идентичности в контексте нациестроительства: от партикуляризма к соборности // *Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период*. М. 2013. С. 314–327.
34. Крымско-татарское национальное движение. Т. 3: 1991–1993 гг. / Под ред. М.Н. Губогло. М., 1996. 329 с.

35. Кузнецов И.М. Особенности этнорегиональной экономической активности // Гражданская, этническая и региональная идентичности: вчера, сегодня, завтра. М. 2013. С. 274–283.
36. Кулик В. Языковая идеология в украинских политических дискуссиях // Отечественные записки. 2007. № 1. С. 299–313.
37. Курсеитов Р.Д. Этносоциологические аспекты развития образования на крымско-татарском языке в Автономной Республике Крым // Вопросы развития Крыма. Симферополь, 2012. С. 145–157.
38. Мальгин А. Украина: соборность и регионализм // <http://books.iqbuy.ru/category/9789668111457/ukraina-sobornost...>
39. Мальгин А.В. Русский Крым в посторанжевой Украине: новые реалии – старые проблемы // Вопросы развития Крыма. Симферополь, 2012. С. 333–343.
40. Мартынова М.Ю. Этнический фактор в Косовском конфликте // Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М. 2012. С. 378–417.
41. Мартынова М.Ю. Югославский федерализм. Прошлое и настоящее // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 171.
42. Миллер А.И. Государство и нация в Украине после 2004 г.: Анализ и попытка прогноза // Политическая наука. 2008. № 3. С. 109–124.
43. Мосейко А.Н. Этнические мифы в региональной политике // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 171–172.
44. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества 18 марта 2014 г. // <http://www.kremlin.ru/news/20603#sel=1:8,1:19>
45. Пономарев А.П. Историко-этнографическое районирование // Украинцы / Отв. ред. Н.С. Полищук, А.П. Пономарев. М. 2000. С. 27–43.
46. Попов Э., Кожин Ю. О русском движении Крыма // www.fondsk.ru/article.php?id=129
47. Проханов А. На главном направлении // Известия. 2014. 17 марта.
48. Разумейченко О.А. Региональные особенности организации декора в татарской народной одежде // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 190.
49. Сапрохина Г.И. Региональная политика центра в преддверии выборов в Российской Федерации // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 172.
50. Синица Д. К России – с любовью. Кризис «русской идеи» в Крыму: причины и следствия // Альманах «Остров Крым» // www.ok.archipelag.ru/part1/k'rossii.htm
51. Следзевский И.В. Этнорегионализм в России как культурно-ментальная модель постсоветской действительности и политике // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 172–173.
52. Смольников С.Н. Антропология Устюжского края XVII века как источник по истории заселения // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М. 1999. С. 191–192.

53. Снежкова И.А. Механизмы построения новой национальной идентичности в Украине // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М., 2013. С. 196–221.
54. Снежкова И.А. Трансформация этнической идентичности в Украине (Киев, Крым 2005–2011 гг.) // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М., 2013. С. 222–239.
55. Старченко Р.А. Языковая политика и этническая и этническая идентичность в Крыму // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. ИЭА РАН. 2013 г. С. 313–321.
56. Старченко Р.А. Положение русского языка в Крыму // Вестник российской нации. 2013. № 6. С. 130–145.
57. Степанов В.В. Крым и крымские татары: историческая демография и современная этнополитическая ситуация // Тюркские народы Крыма. М. 2003. С. 330–357.
58. Тадевосян Э.В. Проблемы советской историографии национально-государственного строительства в СССР // Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М. 1979. С. 100–125.
59. Тархов С.А. Изменение численности населения регионов Украины // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. Сб. докладов / под ред. В.А. Шупера. М. 2004. С. 144–164 // www.demoscope.ru/weekly/2004/0173analit05.php
60. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. 2013. 649 с.
61. Томайчук Л.В. Язык и национальная идентичность: украинский контекст // Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации: материалы международной научно-практической конференции 1–2 февраля 2013 г. Прага, 2013. С. 126–130.
62. Филатов А. Русский язык на Украине: официальный статус и востребованность // Институт Русского зарубежья. Портал «Россия и соотечественники» / Интернет-сайт «Russkie.org». 27.02.12; <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=25012>
63. Шабаетва Т. Под москальским сапогом: рец. на роман Оксаны Забужко «Музей заброшенных секретов» // Литературная газета. 2014. 25 июня – 2 июля.
64. Швыдкой М. Мультикультурализм: угроза или залог стабильности // Российская газета. 2014. 19 марта.
65. Штомыка П. Доверие – основа общества. М., 2012.
66. Щульга Н.А. Языковая компетентность и языковые предпочтения населения Украины в региональном и возрастном аспектах // Вопросы развития Крыма. Симферополь, 2012. С. 198–208.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

- №1 *Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе.
- №2 *Брук С.И.* Немцы в СССР: современная ситуация.
- №3 *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
- №4 *Соколова З.П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
- №5 *Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
- №6 *Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
- №7 *Васильев В.И.* Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
- №8 *Иванова Ю.В.* Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
- №9 *Бушков В.И.* О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
- №10 *Брусина О.И.* О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

- №11 *Сагаева С.К.* Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
- №12 *Тишков В.А.* Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
- №13 *Иванова Ю.И.* Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
- №14 *Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
- №15 *Брук С.И.* Народы СССР в стране и за рубежом.
- №16 *Гурвич И.С., Батянова Е.П.* Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.
- №17 *Осипов А.Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).
- №18 *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май-июнь 1990 г.).

- №19 *Остроух И.Г., Шервуд Е.А.* Мennonиты Оренбургской области.
- №20 *Брусина О.И., Осипов А.Г.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
- №21 *Григорьева Р.А.* Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
- №22 *Емельянов В.М.* Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
- №23 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
- №24 *Абашинов С.Н., Бушков В.И.* Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
- №25 *Молчанов М.А.* Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

- №1 *Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
- №2 *Крюков М.В.* Политика национальной автономии в Китае.
- №3 *Степелях В.Г.* Самоуправление индейских резерваций в США.
- №4 *Кожановский А.Н.* Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

- №26 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
- №27 *Шинкевич С., Заринов И.Ю.* Политика Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.
- №28 *Сагаева С.К.* Российское казачество.
- №29 *Островидова Е.Ю.* Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.
- №30 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.
- №31 *Сатвалдыев А.Н.* К характеристике религиозной ситуации в Шахматдане (Узбекистан).
- №32 *Губогло М.Н.* Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).

- №33 *Губогло М.Н.* Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №34 *Гузенкова Т.С.* Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

- №5 *Празаскас А.А.* Индия: национальная политика и федерализм.
- №6 *Соколова И.В.* Политика официального индеанизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

- №35 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
- №36 *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
- №37 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
- №38 *Бутанова В.Я.* Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
- №39 *Батянова Е.П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
- №40 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Таджикистан: Что происходит в республике?
- №41 *Малькова В.К.* Пресса о современной этнической ситуации в Татарстане.
- №42 *Буяхаев С.С.* Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.
- №43 *Шнирельман В.А.* Бикинские удайцы: политика и экология.
- №44 *Ногайцы сегодня. Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Поиски решения проблем в Ногайской степи. *Викторин В.М.* Астраханские ногайцы.
- №45 *Бабич И.П.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
- №46 *Кыдыева В.Я.* К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.
- №47 *Гчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
- №48 *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
- №49 *Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.*
- №50 *Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.*

- №51 *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане.
 №52 *Тишков В.А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии).
 №53 *Лопуленко Н.А.* Правовой статус и самоуправление у абorigенов Аляски.
 №54 *Васильев В.И., Малиновская С.М.* Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

- №55 *Тер-Саркисянц А.Е.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
 №56 *Жуковская Н.Л.* Республика Бурятия. Этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
 №57 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).
 №58 *Таболкина Т.В.* Панорама современного казачества: Истоки, культуры, типологизация.
 №59 *Филиппов В.Р.* Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).
 №60 *Григорьев Р.А., Мартынова М.Ю.* Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.
 №61 *Иванов А.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
 №62 *Столярова Г.Р.* Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
 №63 *Шаров В.Д.* Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.
 №64 *Бирин В.Н.* Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
 №65 *Гучинова Э.-Б.М., Тавапец С.Д.* Этнополитическая ситуация в Калмыкии.
 №66 *Восходов И.И., Комарова Г.А.* Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).
 №67 *Шаббаев Ю.П., Рогачев М.Б., Котов О.В.* Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
 №68 *Акжиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике.
 №69 *Абаева Л.Л., Крынев Б.П.* Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).
 №70 *Хаджибиев Р., Полякова Т.* Этнополитическая ситуация в Адыгее.
 №71 *Зыков Ф.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.
 №72 *Кисриев Э.Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.
 №73 *Куликов К.И., Христоролюбов Л.С.* Этнополитическая ситуация в Удмуртской республике в 1993г.
 №74 *Кужугет А., Татаринцева М.* Этнополитическая ситуация в Рес-

- публике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
 №75 *Зубков А.А., Маресев В.В.* Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
 №76 *Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б.* Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
 №77 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.
 №78 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
 №79 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.
 №80 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Восходы реинтеграции.

1995 г.

- №81 *Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н.* Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.
 №82 *Иванова Ю.В.* Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.
 №83 *Ильин В.И.* Республика Коми: этнос и политика.
 №84 *Мартынова М.Ю.* Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
 №85 *Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я.* Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
 №86 *Рубан Л.С.* Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
 №87 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А.* Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
 №88 *Смоляникова Н.В.* Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.
 №89 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Карачай в контексте новой исторической реальности.
 №90 *Кульчик Ю.Г.* Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
 №91 *Мартынова М.Ю.* Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

- №92 *Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А.* Сибирские татары: Этнокультурные и политические проблемы возрождения.

- №93 *Михайлов С.С.* Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
 №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / *Брусина О.И.* Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; *Митина Д.А.* Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане!.
 №95 *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках.
 №96 *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.
 №97 *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.
 №98 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
 №99 *Каган, Микаэлла.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.
 №100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

- №101 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
 №102 *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
 №103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.
 №104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
 №105 *Аринин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.
 №106 *Шаббаев Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.
 №107 *Ямсков А.Н.* Русское население в полиэтнических районах Закавказья, Сибири и Урала.
 №108 *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.
 №109 *Таболкина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.
 №110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

- №111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).
 №112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.
 №113 *Червонная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.

- №114 Шнирельман В.А. Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.
- №115 Малькова В.К. Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.
- №116 Сирина А. Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.
- №117 Смольникова Н.В. Немцы Волгоградской области: Этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.
- №118 Балалаева О., Уигет Э. Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).
- №119 Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.
- №120 Абашиш С.Н., Бушков В.И. Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

- №121 Рыжакова С.И. Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма.
- №122 Комарова Г.А. Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
- №123 Шнирельман В.А. Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.
- №124 Кашуба М.С. Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
- №125 Козлов С.Я. Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
- №126 Сирина А.А. Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
- №127 Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.
- №128 Иванова Ю.В. Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.
- №129 Червоная С.М. Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.
- №130 Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

- №131 Бабич И.П. Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.
- №132 Перепись – 2002: проблемы и суждения.
- №133 Бабич И.П. Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность.
- №134 Ярлькапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.

- №135 Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне.
- №136 Рыжакова С.И. Ромува. Этническая религиозность в Литве.
- №137 Козлов С.Я. Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
- №138 Города Подмосковья: Этнодемографические и гендерные проблемы.

2001 г.

- №139 Зенько М.А. Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.
- №140 Воробьев Д.В. Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).
- №141 Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н. Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
- №142 Малькова В.К. Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Взгляд друг на друга.
- №143 Рыжакова С.И. Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
- №144 Матвеев В.А. «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
- №145 Степанов В.В. Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

- №146 Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
- №147 Матвеев В.А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
- №148 Ситнянский Г.Ю. Тринадцатый миф о Центральной Азии.
- №149 Силантьев Р.А. Этнический аспект раскола исламского сообщества России.
- №150 Губогло М.Н. Мобильность и мобилизация.
- №151 Смирнова С.К. Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.
- №152 Сирина А.А. Народы Севера Иркутской области.
- №153 Юраков А.В. Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
- №154 Смирнова С.К. Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.
- №155 Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).

- №156 Смирнова С.К. Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
- №157 Смирнова С.К. Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
- №158 Бабич И.П. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
- №159 Димаева Ф.В. Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

- №160 Ситнянский Г.Ю. Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
- №161 Тишков В.А. Историю-антропологический анализ переписи населения.
- №162 Миссонова Л.И. Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
- №163 Заурбекова Г.В. Ваххабизм в Чечне.
- №164 Аксянова Г.А., Давыдова С.С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
- №165 Айнабан З.В. Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
- №166 Устинова М.Я. Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

- №167 Харитонова В.И. Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.
- №168 Шлыгина Н.В. Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
- №169 Фаис О.Д. Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
- №170 Лопуленко Н.А. Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
- №171 Наумова О.Б. Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
- №172 Найденова Е.А. Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.
- №173 Ториев Б.Х. Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
- №174 Губогло М.Н., Дубова Н.А. Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 Субботина И.А. Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

2005 г.

- №176 Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Хопман Д., Шенфилд С. После Бесплана: Дискуссия российских и американских экспертов.

- №177 *Грачи́ев С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 *Питерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
- №180 *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 Финно-угорские народы России: Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

- №184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долготельских селениях.
- №185 *Мартынова М.Ю.* Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
- №186 *Сирина А.А., Фондал Г.А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
- №187 *Новикова Н.И.* Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
- №188 *Александренков Э.Г.* Индигенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
- №189 *Новикова Н.И., Якель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.
- №190 *Остапенко Л.В.* Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.
- №191 *Анайбан З.В.* Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.
- №192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

- №193 *Череватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
- №194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX–начало XXI в.).
- №195 *Устинова М.Я.* Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: новые вызовы.
- №196 *Тишков В.А., Шабеев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.

- №197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государство.
- №198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
- №199 *Бананова М.Г.* Бурятская община Москвы.

2008 г.

- №200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
- №201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.
- №202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
- №203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
- №204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
- №205 *Сирина А.А., Жуковская Н.П., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
- №206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования.
- №207 *Харитонов В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).
- №208 *Бабич И.П.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

2009 г.

- №209 *Локишин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.
- №210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Франции.
- №211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени.
- №212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.
- №213 *Бабич И.П.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.
- №214 *Эпштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.
- №215 *Бабич И.П., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

- №216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.

- №217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.
- №218 Европейская языковая Хартия и Россия.
- №219 *Заурбекова Г.В.* Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).
- №220 *Опарин Д.А., Уманская А.И.* Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).
- №221 *Шлыгина Н.В.* Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.
- №222 *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).
- №223 *Миссонова Л.И.* Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

2011 г.

- №224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.
- №225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.
- №226 *Матвеев В.А.* "Черкесский вопрос": современные интерпретации и реалии эпохи.
- №227 *Анайбан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

2012 г.

- №228 *Лопуленко Н.А.* «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990–2011 гг.): аналитический обзор.
- №229 *Комарова Г.А.* Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований.
- №230/231 Социокультурные последствия Чернобыльской аварии.
- №232 *Устинова М.Я.* Основные проблемы применения в Латвии Рамочной конвенция о защите национальных меньшинств.
- №233 *Малькова В.К.* Политическая Москва 2011–2012 гг.: «тревожные звонки в информационном пространстве».

2013 г.

- №234 *Мартынова М.Ю.* Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества.

2014 г.

№ 235 *Малькова В.К.* Новое этнопространство современной Москвы.

№ 236 *Зорин В.Ю., Астацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности

и укрепление духовной общности российской нации.

№ 237 *Белова Н.А.* Молодежь русской провинции (на примере города Нерехты Костромской области).

№ 238 *Гаер Е.А., Батьянова Е.П., Шлинеев В.Н.* Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в пострестроенной действительности (по материалам этнографической экс-

педиции в Хабаровский край в августе – сентябре 2012 года).

№ 239 *Губоголо М.Н., Старченко Р.А.* Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.).

Подписано к печати 24.11.2014 Тир. 100 экз. Печ. л. 3,7 Заказ № 25

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.

Губогло Михаил Николаевич - Заведующий ЦИМО ИЭА РАН. Сфера научных интересов: этносоциология, этнополитология, тюркология, социолингвистика. Автор более 500 публикаций, в том числе 22 индивидуальные или написанные в соавторстве книги. Среди них: «Антропология повседневности». М., 2013. 752 с.; Гагаузы в мире и мир гагаузов. Том 1 - 756 с., Том 2 - 1012 с. Кишинев, 2012. Автор идеи, основных разделов, составитель и редактор.

Guboglo Mihail Nikolaevich - Head of the Centre for the Study of Inter-ethnic Relations IEA RAS. Scientific interests: ethnosociology, ethnopolitology, turkology, sociolinguistics. The author more than 500 publications, including 22 individual or co-wrote the book. «Anthropology of everyday life». M. 2013. 752 p.; Gagauz people in the world and the Gagauze's world. Vol. 1 - 756 p., Vol. 2 - 1012 p. Kishinev, 2012. The author of the idea, main sections, compiler and editor.

Старченко Роман Александрович - младший научный сотрудник ЦИМО ИЭА РАН. Сфера научных интересов: языковая ситуация и региональная идентичность в Крыму и Приднестровье, русское население Киргизии, двуязычие в России, русские и украинские диаспоры в России и Украине. Под его руководством были осуществлены полевые выезды в Крым, Приднестровскую Молдавскую Республику и Киргизию в 2012-2014 гг. для проведения этносоциологических опросов. Является автором более 15 публикаций.

Starchenko Roman Aleksandrovich - junior scientific researcher Center of Studying of Interethnic Relations of Institute of Ethnology and Anthropology of RAS. Scientific interests: language situation and regional identity in the Crimea and Transnistria, Russian population of Kyrgyzstan, bilingualism in Russian, Russian and Ukrainian diasporas in Russia and Ukraine. Under his leadership, field visits were made to the Crimea, the Dnestr Moldavian Republic and Kyrgyzstan in 2012-2014 to conduct ethnosociological polls. He is the author of more than 15 publications.

ISBN 978-5-4217-0114-7

9 785421 101147